

Татьяна Вячеславовна Иванько
Говорит и показывает. Книга 2
Серия «Говорит и показывает», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44582111

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93258-6

Аннотация

Прошло шесть лет – много для тех, кто любит и кто расстался? Мало для тех, кто вместе? В чём истина любви – удержать рядом любимого человека или отпустить? Напряжение в любовном треугольнике нарастает, но в сложной любовной геометрии появляются новые углы, меняя первоначальные фигуры...

Полностью переменялась жизнь, совсем иным стал мир, новые законы и правила жизни, даже города изменили названия и лица, но переменялись ли так же и люди? Как различить истинную любовь среди множества подделок и суррогатов? И что сделать – пойти на её зов или спастись, убегая и прячась?.. Кем стали герои, с чем перешли к новому этапу жизни? На чём строятся и держатся семьи и для чего создают их? Они ещё нужны в сегодняшнем мире?..

Содержание

Часть 11	4
Глава 1. На Садовое...	4
Глава 2. Суверенитет	18
Глава 3. Бой продолжается!..	30
Глава 4. Славно...	49
Часть 12	63
Глава 1. Дом	63
Глава 2. Грустно	73
Глава 3. Тайны и открытия	88
Глава 4. 8. 08	102
Часть 13	121
Глава 1. Ливень	121
Глава 2. Вальтер	134
Глава 3. Хорошая	149
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Татьяна Иванько

Говорит и показывает. Книга 2

Часть 11

Глава 1. На Садовое...

Благородный рокот мотора Харлея рассекает тишину ночной Москвы, отражаясь от асфальта, от высоких стен домов гулким эхом плещется внутри улиц, как вода в русле реки. Я хорошо знаю дорогу, и, хотя в самой Москве Ю-Ю редко пускал меня за руль, но мы столько раз ездили с ним по этим улицам и вдвоём, и в компании других рокеров, по Садовому в частности, что я отлично помню дорогу.

Навстречу почти не попадается машин, четвёртый час, самый глухой час воскресной ночи, кто-то уже лёг, кто-то ещё не вставал.

Я смотрю по сторонам, чтобы не пропустить нужный адрес, Ю-Ю сказал, дом почти напротив театра Кукол Образцова с магазином «Гжель» в первом этаже, поэтому я снизила скорость и мотор заворчал недовольно, ему охота рычать

во всё своё сердце.

Я подскочил к телефону с тяжело бьющимся сердцем, что-то нехорошее снилось мне, и этот звонок стал продолжением кошмарного сна. Но голос, который я услышал сразу как будто в ладони взял бухающее в горле сердце:

– Илюша! Это я, – как будто я мог не узнать её, – можно приехать? Ты сейчас... можно сейчас?

– Что ты спрашиваешь? Что случилось?

– Я расскажу. Всё расскажу... Как найти твой дом?

– Это напротив Театра Кукол...

– Всё поняла, я скоро... Надо...

Что «надо» я уже не услышал, трубку повесила. На чём приедет? Я глянул на часы, на попутках что ли? Опасно, ночь... Господи, что стряслось?.. Мне опять стало страшно, как до того, как я услышал её голос.

В соседней комнате Юргенс с очередной пассией, я решил, что выйду из дома, не хочу, чтобы Маюшка заходила в этот холостяцкий рай, пропитанный тестостероном, сигаретным и пивным духом. Если бы Юргенса не было, тогда ещё, может быть. Из-за моей откровенности, когда я не смог смолчать о нас с Маюшкой в припадке тоски и отчаяния, он стал слишком живо интересоваться ею, чувствуя это, я стал рассказывать ему меньше. Но в нём пробудился какой-то плотоядный интерес, поэтому я не хочу, чтобы он увидел, чтобы вообще смотрел на неё.

Ещё бы мне не интересоваться девицей, из-за которой мой друг впал в депрессию, мой друг, которого я знаю столько лет, и все эти годы он ни разу не утрачивал весёлости и лёгкости, в отличие от меня, впадающего временами в меланхолию. За три месяца, что мы видимся каждый день, я почти не видел проблеска улыбки на его лице. И никакой иной причины, кроме этой девицы, я не нахожу.

Илья, который с беспечностью мотылька перепархивал от одной к другой, вдруг впал в этакую печаль. Но в эту ночь я сладко спал рядом с грудастой красавицей из ансамбля «Берёзка». Настя или Надя, на утро я мучился, не в силах вспомнить, и боялся назвать её неправильно.

Я вышел из дому через полчаса после Маюшкиного звонка. Ей не может понадобиться времени меньше часа-полутора, чтобы доехать ночью до Садового, если на попутке. Я вышел из арки со двора, закурил, остановившись напротив сказочных часов на Театре Кукол через много-многополосную улицу. Часы не включают сейчас, я ни разу не видел, чтобы работали за эти три месяца. Но что я вообще вижу?

Я работаю, живу как автомат. Вот сейчас, на улице тепло, оказывается, даже парит немного. Воздух пахнет тёплым асфальтом и пылью. Бензином. И тихо. Очень тихо. Город спит. Большой город, засыпая, становится похож на удивительное существо...

Я узнал звук мотора Харлея и у меня потеплело под сердцем, я улыбнулся, я и подумать не мог, что она решится... Вот умница. Точно безопаснее, чем на попутке ехать девушке.

Я подошёл обратно к нашему дому, и даже вышел на пустую дорогу, чтобы она увидела меня. Вон летит, что ж ты так гонишь? Маюшка... Шлем с зелёными языками огня, маленькая фигурка в седле...

...Проснувшись глубокой ночью рядом с Васей, чувствуя, что он спит глубоко и спокойно, я полежала некоторое время размышляя о том, что для меня началась новая жизнь. И теперь я должна сделать то, что обозначит это начало.

Я встала с постели, если так можно назвать этот дурацкий Васин диван с ужасными буграми и потёртой обивкой, посмотрела на Васю ещё раз, укрыла его спину этим лысым пледом, но ничего, не холодно. И я скоро.

Обернулась по сторонам. В свете уличного фонаря и вывески молочного магазина в комнате светло: джинсы и трусики, кроссовки. Но вот рубашка – это уже лохмотья. Тут косуха Васина. И футболка. Как славно им пахнет. Прости меня, Ю-Ю...

Решение взять Харлей родилось мгновенно, именно, потому что я впервые за все эти месяцы оказалась на свободе, а что может быть свободнее Харлея? Только надо узнать, где именно эта Ю-Юшина Садово-Самотёчная, сообразить, как

лучше ехать. Я позвонила из Васиного коридора, где стоял телефон. Когда Ю-Ю сказал про Театр Кукол, маршрут сложился сам собой.

И вот я дошла, почти добежала до моего дома. Только бы все спали...

Они спят. Я прошла тихонечко во двор. Найда громыхнула цепью, подняв голову, я приложила палец к губам:

– Ш-ш-ш, Найдуся, ничего не говори...

Умная собака молча следила за мной, поматывая хвостом.

Хорошо, что «предки» не знают, что ключи от зажигания мотоцикла и от самого сарая, где он стоит, мы с Ю-Ю держим здесь же, на балке под крышей, сразу над входом, чтобы приезжать и уезжать можно было без задержки с поисками ключей.

Я надела шлем, и выкатила мотоцикл из ворот как можно дальше, вернулась, закрыла сарай и ворота, чтобы не заметили утром, что мотоцикла нет.

Откатив его ещё на квартал, я надела шлем и «пришпорила» моего стального великолепного коня. Я не обдумываю слов, я не представляю, как скажу и что именно, но промолчать я не могу. То, что мы с Васей не касается никого, кроме Ю-Ю.

Ю-Ю... Ю-Ю... неужели увижу тебя сейчас? После стольких месяцев? Снова увижу тебя?! Нет, не думать, иначе слова застрянут в горле...

Вот он, вот он, маячит мне с дороги... такой, совсем та-

кой, как я помню и знаю. Волосы только длиннее...

Ю-Ю! Ю-Ю!.. Остановив Харлей, я поспешила снять шлем, скорее бросится к нему... Ю-Ю! Господи, ничего не изменилось и изменилось всё...

– Ю-Ю... Ю-Ю...

Как же я жила без него столько времени и как буду дальше?! Я же без него вообще не могу?! Ю-Ю... мой Ю-Ю...

Кинулась, роняя шлем...

Я увидел её. Эту Тумановскую Маюшку. То есть не разглядеть, конечно, как следует издали и через довольно пыльное окно кухни, выходящее на улицу, куда и отправился мой друг посреди ночи. Я услышал вначале телефонный звонок, но только, когда лязгнул дверной замок, я уже совсем проснулся. Настенька или Наденька, рассыпав красиво блестящие белые волосы по подушкам, спит беззаботно. Полежав некоторое время, и чувствуя, что сон размяк и растёкся, отравленный принятым накануне алкоголем, я понял, что лучше встать, может сморит снова. Можно было бы заняться сексом, но презервативы в моей тумбочке кончились, надо достать из шкафа в ванной, где я держал большой запас, так что так или иначе – вставать.

Вот так я и приплёлся на кухню, выпил воды, обернулся, в поисках чего-нибудь поинтереснее. Нет, «Мартины» этого, одеколонистого, не хотелось, лучше воды и так голова с утра будет тяжёлая, хорошо – воскресенье.

Я выглянул в окно просто так, не думая увидеть там Илью. И увидел, как подъехал мотоцикл, как соскочила девочка, роняя шлем, плеснув длинными волосами, как бросилась на шею Илье... Не представляю, чтобы ко мне на шею кто-нибудь так бросался, прямо завидно...

Но и не представляю, чтобы я кого-то так обнял и прижал к себе, как это сделал он. Мне кажется, я отсюда слышу, как стучат их сердца, хотя не вижу толком даже их лиц. Надо привести какую-нибудь, чтобы окна хоть помыла здесь, развели грязищу...

Я вернулся в спальню, презервативов теперь хватит на любой марафон... И эта картина на ночной улице волнует и возбуждает моё воображение. Может приведёт сюда, хоть рассмотреть её, в кого он так втрескался смертельно... Наденька или Настенька замурчала сладко, просыпаясь от моего прикосновения...

– Май...

Я обнял её, прижимая лицо к её головке. Аромат твой... как я выдержал так долго без тебя?!

– Ю-Юшка...

Он, он, мой Ю-Ю! Вот такой, тёплый, твёрдый и такой мягкий, волосы твои прохладные и горячие у головы... Ю-Юша...

Но он наклонился, собираясь поцеловать меня, нет-нет, Ю-Ю...

Она отстранилась от моего поцелуя. Не зря так ныло сердце со сна...

– Подожди, Илья... Я...

Она назвала меня Ильёй, второй раз. Никогда не называла... Я всё уже понял... И я жив? Ещё жив? Май, не говори, пусть этого не будет. Пусть это останется сном... Тем кошмарным, проклятым сном, что я не досмотрел, когда вскинулся на твой звонок. Я видел всё во сне. Всё видел... Господи...

Я выпустил её из ослабевших рук. Ноги еле держат...

– Не надо, не целуй. Я... не могу... Я тебе изменила. Изменила тебе, слышишь?!

Вот всё... воткнула нож. По рукоять. Что, сердце ещё бьётся?..

– Ты... не любишь меня больше? – спросил я без голоса.

– Люблю! Люблю! – она замотала головой. – Всегда буду любить! Так люблю, что... нельзя дышать... Но...

– Значит, его ты не любишь.

– И его люблю... – глаза огромные какие...

– Так не бывает, – перевозмогая боль, говорю я, может ещё одумается? Ну, опомнись! Опомнись! Вот же я!

– Знаю... и не знаю... Я не знаю, как это... – и заплакала, прижав ладошку к лицу, зажимая рот.

– Не надо, – я обнял её. Маленькую глупую девчонку.

– Ю-Юшенька... я не могу жить без тебя. Не смогу никогда. Но...

– Всё, не надо, не надо, Май... – я целую её волосы, тёплая макушка... – не плачь. Что ты...

– Я не знаю, как я...

– Я знаю, – сказал я. – Я встал между вами, ты всегда лю... его... любила его... Я так боялся, что... Но это... неизбежность.

Она плакала долго, прижимаясь ко мне.

– Ну, всё? – спросил я, когда она, чуть-чуть примолкнув, отодвинулась, вытирая лицо. – Всё, не плачь больше. Поедем в какую-нибудь «забегаловку», что мы на дороге...

– Надень мой шлем... – гундосо проговорила она.

– Не надо, я за руль, садись за спину.

Мы оседлали Харлей, как делали сотни и сотни раз. Она села за мою спину и протянула руки обнять меня. Рукав задрался, у неё синяк на руке, большой и не один, старый на новый...

– Что это, Май? – замирая, спросил я, обернувшись за спину.

Она нахмурилась, и лицо задрожало опять, снова заплачет.

– Держись, – сказал я, снимая мотоцикл со стопаря, спрошу позже...

Хотя бы при свете рассмотреть её, худая совсем, как из Освенцима. Маюшка тоже не надела шлем, обняла меня, приклонившись головой к спине. Вот горе-то... какое же горе, Господи, как же я... как же я переживу это?..

Ехать бы так сотни и сотни километров, как мы ехали в Прибалтику в том году. Тогда я не думал, какое это наслаждение – вот так ехать с ней. Или думал?

Ночная столовка недалеко, я остановился, мы слезли, сквозь стеклянные окна видны внутренности кафешки, тут и сидячие столики есть, пусто, несколько страшноватых мужиков сидят с пивом и стоят за круглыми стоячими столами. Я взял лимонад и по два засохших бутерброда с сыром. Бумажные стаканы, бумажные тарелки, и то хорошо, кое-где вместо стаканов майонезные баночки, как анализы мочи... газированная моча... крошки на столе, разводы от засохшего лимонада или пива. И запашок тут, конечно: столы, стены сам воздух пропитались запахом кислого перегара...

– Ю-Ю, я... – Маюшка опустила лицо, смотрит в свой стаканчик. – Прости меня? Простишь когда-нибудь?

– Не надо, Май. Хватит. Я всё понял, я...

Ещё извинениями замучит...

– Его косуха что ли? Сними, жарко.

Она поглядела на себя, расстегнулась и сняла, всегда была послушной. Так и есть – синяки на руках. На левой больше, на правой... от пальцев и от... что это, какие-то полосы... ремень? Господи...

– Тебя... Виктор бьёт тебя?

Маюшка поморщилась:

– Не надо, Ю-Ю... – она нахмурилась, но потом всё же ответила, некому ей больше об этом сказать... – бьёт. Лупит

ремнём с остервенением, так, что... думаю ему хотелось бы, чтобы меня не было вообще... ненавидит, будто я... Хотя правильно... – она не смотрела на меня, говоря это. Будто внутренний монолог выдавала. Себе навнушала чёрт знает что!

– Их допекли всех, какую гулящую воспитали... А папу вообще... Будто он... Представляешь?

– А они тебя изводят. Что ж ты... даже не сказала? Ни слова не написала. Май, почему? Ты же всё обещала говорить? – сказал я, рассматривая её.

И футболка на ней тоже не наша. Как похудела, бедная девочка, шейка торчит, концы ключиц обозначились, раньше не были видны, даже скулы проступают, когда говорит... И веснушек нет ни одной, всегда летом усыпали лицо мелкими солнечными лучиками. Солнца не видело совсем это личико... На что способны люди, своего ребёнка так довести... «Люди любят терзать тех, кто рядом» ... волосы в косе растрепались, только волосы всё те же... Ах, Маюшка...

– Я не хотела, чтобы ты... чтобы мучился, чтобы думал, что ты виноват. Чтобы тебе было больно. Ерунда это всё... За тебя я всё бы вытерпела, мне плевать, они меня не заставят тебя не любить. Или жалеть о том, что было у нас. И что есть...

Есть? Я смотрю на неё. Конечно есть, не приехала бы, даже и не вспомнила, если бы не было. Но...

– Ты не думай... Только пожалуйста не думай, что ты...

что ты виноват...

– Я виноват, Май, не надо... – начал я.

Но она перебила:

– Это я виновата. Я! И правда ведь получаюсь гулящая...

Нет, терпеть это больше нельзя. С этим самоуничижением надо кончать.

– Дура что ли совсем?! – воскликнул я. – Чтобы не слышал больше никогда, поняла? Я... – у меня перехватило горло, так хотелось сказать, что я люблю её, но сейчас это... нехста-ти? Я просто опустил лицо, доставая сигареты.

Маюшка взяла стаканчик, пьёт жадно, будто вспомнила, что хотела пить, а ведь никогда не любила лимонад. Пепси-колу или фанту, но не «Буратино».

Может, никотин хотя бы как наркотик подействует? Может чуть притушит эту боль?..

Но... может быть... Попробовать хотя бы что-то вернуть, отвоевать назад... Что-нибудь, чего он ей дать не сможет... Я не смогу жить, не видя её, я три месяца не живу, словно в анабиозе замер. А если совсем, лучше схохну сразу...

– Ты вот что, Май, во-первых: про какую-то там вину забудь, – я выдохнул дым, уже расперший меня. – Во-вторых: я поеду с тобой, объясню Витьке кое-что. И в-третьих: поедешь учиться, ясно?

– Они не пустят, – мяукнула она, всё же светлея взглядом.

– Пустят. Теперь я разозлился. Он был прав, но теперь я. Готовилась к экзаменам-то или как?

– Готова я. И ещё стану готовиться, если... но как?..

– Выбью общагу тебе, не так давно я институт кончил, связи ещё кое-какие остались. Документы ещё не принимают, с первого? Да и вот что... будешь на мои деньги жить, ясно? У них ничего не бери. Пусть подавятся.

– Но... я...

– Я ничего не прошу за это, Май, если ты подумала... – поспешил добавить я, гася сигарету. – Хочешь, вообще можешь не встречаться больше со мной, я могу тебе книжку завести или переводить...

– Да ты что?! Наказать меня так хочешь? Ю-Ю, я не смогу жить, если не буду видеть тебя! Я уже чуть не умерла... Ты же...

И заплакала опять. Похоже, кингстоны открылись сегодня, только эти воду выливают, а не вливают...

Я подошёл к ней, она обняла меня, прижавшись лицом к моему животу.

– Не бросай меня, Илюша...

И тут мы услышали и увидели через грязнущее пыльное стекло забегаловки, что подъезжают несколько мотоциклов. Это же наши, с «Горы». Начали заходить, распространяя шум и запах бензина, промасленных штанов и курток, крепких яиц и адреналина.

– О, Туманыч! Давно не видались! Куда пропал-то, всю весну мимо? – они пожимают руки, хлопают по плечам, смеются.

– Говорили в Москву к нам подался, так что ли?

– И Малая с тобой. Привет, Малая, как жизнь?

Ю-Ю пожимает протянутые ладони, улыбаясь немного принуждённо.

– В институт поступает, – сказал Ю-Ю за меня.

– Ишь ты, уже школу кончила, а я думал, ты в седьмом классе! – это сказал Мокрый, тот самый, что клеился ко мне в прошлом году.

Все заржали, начали подсаживаться к нам со своими тарелками, вокруг располагаться, скоро запахло пельменями, несут и лимонад, и пиво. Девчонок немного, со мной четверо всего.

И дальше получилась незапланированная для нас, но обыкновенная рокерская тусовка...

Глава 2. Суверенитет

Я проснулся поздним утром, уже полдень, судя по свету, наполняющему комнату, я поднял голову, взгляделся в часы над дверью. Так и есть: четверть первого. Целые сутки спал... и... всё новое теперь в моей жизни. Я знаю, это не сон. Всё, что я видел во сне после... мои руки, вся кожа пахнет её ароматом... Майка... Я совсем другой теперь. Я будто родился опять за эти сутки...

Вот только, где ты?

И вдруг через приоткрытую дверь я услышал разговор с кухни, чуть-чуть заглушаемый шумом льющейся в раковину воды.

– Ты, девочка, не обольщайся, у него таких как ты, сотня сотен. Вон диван весь продавил.

Ну, Иван Генрихович, что ж ты городишь?! Мало того, что врешь безбожно, так ещё и пытаешься Майку обидеть. Я поспешил встать. Но разговор продолжился тем временем.

– А я и не обольщаюсь, – ответила Майка, улыбка в голосе... – Я Васю люблю, и буду любить, чтобы вы тут ни говорили. Он чистый и честный, он лучше всех на свете. Вот и всё.

Вот Майка, принцесса, всегда была и осталась. Моя принцесса. Моя Майка. Сразу стало спокойно на сердце. Легко и солнечно. Как никогда в жизни ещё не было, я не один, ока-

зывается...

– Лучше помогите мне убраться, и крупу найти, я кашу сварю, завтрак надо приготовить Васе, скоро встанет, а у нас тут только мусор да бутылки. Сами-то завтракали?

– Нет, – мрачно признался старый женоненавистник.

Я улыбнулся самому себе и своей жизни. Вкус счастья после стольких несчастий всегда так сладок?

Когда я, вымытый в душе и посвежевший, заново родившийся, Василий Метелица пришёл на кухню, то увидел трогательную картину: Иван Генрихович складывает пустые бутылки в погромыхивающую авоську, уже третью на полу, весь мусор убран, большая часть посуды вымыта, шумит чайник на плите, над небольшой жёлтой кастрюлькой поднимается аппетитный парок.

Майка обернулась ко мне от плиты, моя футболка на ней с чёрным черепом во всю грудь, я сам его рисовал на обычной белой «фуфайке», как она называлась в магазине, специальной краской, не смывается, между прочим, и ворот оторвал, чтобы настоящий гранж получился.

Я не видел в своей жизни ничего светлее и лучше, чем она сейчас. Она улыбнулась самой прекрасной улыбкой, какая может расцвести на человеческом лице.

– Василёк...

Вася не знал, но этому позднему утру предшествовало утро раннее, когда мы с Ю-Ю приехали к нашему дому на

улице Труда.

– Они и не заметили, я смотрю, что ты мотоцикл угнала, – усмехнулся Ю-Ю, останавливая мотоцикл за воротами.

– Я старалась. Настоящей заделываюсь преступницей, – сказала я, слезая с «коня».

Найда радостно приветствовала нас обоих, выйдя из своей будки и крутя хвостом так отчаянно, что казалась похожей на вертолёт.

– Ревень не рвёт никто, – сказал Ю-Ю, проходя мимо грядок с зеленью.

– Пирогов сто лет не пекли.

– И скамейку не покрасили к лету. Придурки...

Он решительно подошёл к дому и я, видя его уверенность, перестала чувствовать страх.

Утром все встали рано, хотя с вечера долго не ложились. Переругались сто раз за вечер. Спорили звонить ли подругам Майи или нет. Мы с Лидой заседали на Татьяну Павловну, требуя, чтобы она позвонила, она отнекивалась, едва до слёз не довели её.

– Какие подруги! – восклицала она. – Очумели вы совсем?! Я весь май ей позволила в школу не ходить от тех подруг! Бойкот и травля в классе! «Подруги», вечно не знаете ничего...

– Но кто-то же знает, где Илья живёт?!

– Она звонила ему, там номер должен быть... На квитан-

ции, не выбросили? – вспомнила Лида.

– И что нам номер? Позвоним, осведомимся, как они там? – опять ору я.

– Может, твой милицейский дружок адрес по номеру узнает? – сказала Лида.

Я пошёл искать записную книжку с номером Артурова Генки, моего земляка, с которым мы приехали из нашей Сосновки поступать в институт, оба поступили, только он бросил и подался в милицию.

Но лето, субботний день, я не застал его...

– С кем Илья дружил в институте, мама? – спросила Лида. – Ты же знаешь, может позвонить, он же к кому-то в Москву поехал не в пустоту.

– Ну... этот... немец... но откуда знать телефон?

– В записных книжках его посмотреть, – сказал я, направляясь наверх.

Но Лида прокричала снизу:

– Не ищи, нет у него никаких книжек, всегда всё так помнил, сроду не записывал. Он конспектов-то в институте почти не вёл, запоминал на слух.

Мы с Татьяной Павловной удивлённо посмотрели на неё, мы этого не знали, а она усмехнулась:

– Это Маюшка рассказала, я ей говорила про институт пару лет назад, мол, учись конспектировать, а она и ответила: «А Ю-Ю почти никаких конспектов не делал! Он так всё помнит».

Я ещё больше разозлился, всё, что мы знаем о них, это то, что они любовники, а кто они такие, об этом мы все трое вообще ничего не знаем. Как мы найдём людей, о которых нам почти ничего не известно?

С досады мы стали орать и ругаться, обвиняя друг друга в том, что дети были предоставлены сами себе.

До самой ночи ругались. У всех поднялось давление, разболелись головы, кончилось тем, что Лида всех, включая себя, напоила какими-то таблетками и каплями и мы заснули нездоровым сном, чтобы проснуться всё с той же головной болью, злостью и неизвестностью.

В надежде, что Маюшка вернулась за ночь, я поднялся наверх, но нет, холодно и пусто в обеих комнатах. Лида поднялась вслед за мной, с той же целью.

– Потеряли мы детей-то, а Вить? Разогнали...

– Не надо, Лида, мы всё для них делали, потакали, всё дали, а они оборзели от нашей любви и вечной вседозволенности.

Она вздохнула, видимо, не соглашаясь со мной.

– Ну что, не так? – начал заводиться я.

– Не так, они хорошие дети.

– Хорошие, только... – я не хочу даже вспоминать сцену, какая предстала мне январским тёмным утром...

И мы вместе пошли вниз по лестнице, как из опустевшего гнезда. Гнезда разврата.

Вот тут дверь входная и открылась, и вошли те самые де-

ти... Впереди Илья, наглый, волосы длиннющие, встрёпанные от лица, будто на мотоцикле ехал, за ним Маюшка, и верно, шлем на локте держит. Так они... как же и когда мотоцикл вывели, ещё вчера был, я машину ставил, видел...

– Бон джорно, – сказал он, видимо не в силах желать нам ни доброго дня, ни здоровья по-русски.

Я ринулся к ним.

– Не смей подходить к ней! – выпалил Илья уверенно и громко, задвигая Майю себе за спину. – Теперь ты под статью у нас подпал, папаша!

Татьяна Павловна вышла к нам, ахнула:

– Илья?!

– Не надо возгласов тут, – спокойно проговорил Илья, даже не взглянув на неё. – Слушайте меня теперь: вы все преступники. Садисты и насильники. И я посажу вашу компанию...

– Что ещё?! – заорал я. – Кто это говорит?!

Убить наглеца сейчас же!

– Вопрос теперь в том, кто ты, Виктор Анатольевич! – Илья посмотрел на меня. – Что говорит весь город?! – он прищурился. – А если то же скажу я и Маюшка? Если увидят замки на двери и заколоченное окно?! Если осматрят её и найдут все синяки и ссадины, что ты насажал ей, сволочь?! – на последних словах он почти взвизгнул, сорвавшись на фальцет.

– Илья! – возмутилась Лида, поражённая и словом этим

и его уверенностью, как и я.

– И ты помолчи, Лида! Вы обе не могли не знать, что он делает с девочкой! Как бьёт и издевается! Спермы не найдут, так что ж, я ему сам презервативов подарил помнится, а, зя-тёк-ходок?! Вот кто сядет плотно, и вы две за соучастие! Тогда мамочка, не то, что директорского кресла или обкомовского зала заседаний тебе не видеть, но и вместе с зятем-маньяком отправишься, куда? Куда Макар гусей не гонял?!

– Как же тебе не стыдно, матери! – опять воскликнула Лида.

– И ты, милая добрая сестричка, ласковая мамочка, отправишься, и Игорь Владимирович отвернётся, такую мерзость не прощают даже самым красивым и молодым любовницам.

– Илья... – выдохнула Лида, опускаясь в кресло.

– Вот так-то... – будто закончил стрелять, выдохнул Илья. – Так что выполнять теперь станете наши условия, хватит тут фашизм строить в отдельно взятом доме.

– Ты говоришь, Лида, хорошие дети? – я сверкнул глазами на жену.

Но Илья, только «перезарядил винтовку».

– Пусть мы плохие дети, но мы тут плоть от плоти ваши, так что нечего ужасаться. И на зеркало пенять.

– Ты... чего хочешь-то? – как-то бессильно сказала Татьяна Павловна.

– Вернуть полную свободу Майе. Чтобы могла ходить,

звонить, с людьми встречаться, хватит конвоев ваших... Говорить даже дико, будто я против режима апартеида пришёл бороться.

– Да щас! – нет, я точно сейчас убью его.

– Погоди, Виктор...

– Вот именно, погоди, Виктор. Мама, неси Маюшкины документы, все, что есть...

– Ты женился без нашего позволения всё равно не сможешь! – заорал я.

– Пошёл ты! В институт поедет девочка, – сказал Илья, глянув на меня как на убогого дурачка.

– Я не позволю ей к тебе... к тебе в подстилки...

– Хватит! – рявкнул Илья. – Не смей оскорблять девушку, распустился совсем! Поедет учиться.

– Ишь ты! Не пуцу с тобой!

Да что это в самом деле!? Передо мной они оба зимним утром...

– Куда ты денешься? Мама, документы где?!

Татьяна Павловна принесла уже и держала в руках. Илья забрал их просмотрел внимательно, педант чёртов!

– И последнее: я сюда приеду и приду, когда мне вздумается. Это частный дом, и я наследник моего отца вместе с матерью и сестрой, никто меня наследства не лишал.

– Может, ещё кланяться при встрече за то, что ты растлил мою дочь?!

– Хватит, я сказал, – уже тихо произнёс Илья, будто опу-

кая ружьё. – Я – мерзавец, но ты перещеголял всех мерзавцев, тем, что творил в последние месяцы, так что – хватит. Все права возмущаться и негодовать ты потерял. Сейчас мы уходим, а когда придёт Майя, чтобы ни замка, ни фанеры этой подлой не было, пока в Москву не уедет, она должна жить нормально. И я буду проверять. Если хоть один синяк найду ещё на ней, я сказал, что будет. Достаточно терпеть насилие ваше.

– Тоже суверенитет объявили? Щас модно, все подряд... – проговорила Лида, бледная и стиснула руки, сложив на груди.

– Считай, что так.

– А, так? Кто суверенный, тот сам себя кормит!

– Экономическую блокаду объявишь, как Литве? Ну-ну!

Не пугай, я сам прокормлю её отлично.

Илья обнял Маюшку за плечи и поцеловал в макушку, наглец, у меня на глазах! И одета она в какую-то хламиду с чужого плеча... с мужского плеча! Чёртова потаскуха!

– Идём, Май. Или что-то скажешь им?

Но она только отрицательно мотнула головой, даже слова не произнесла.

Представляете?! Она не нашла для нас ни одного слова!

Вот такое было воскресное утро. Мы с Ю-Ю вышли во двор, Найда пригромыхла к нам со своей цепью, о ноги трётся, хвостом весёлым бьёт.

– Ты... к нему сейчас? – спросил Ю-Ю, дрогнув горлом.

Я кивнула, опуская голову. Потом посмотрела на него:

– Ты – мой спаситель, Ю-Ю.

– Сначала я твой погубитель, – сказал он и провёл мне по волосам, отводя от щеки за ухо.

– Нет... нет и нет, – я обняла его. – Никогда так не думай.

Я прижалась к нему. Теперь мы могли быть вместе, стоило по-настоящему разозлить его и он в пять минут отвоевал мою свободу. Милый мой Ю-Ю. только прости меня, только не бросай теперь...

– Возьми Харлея, – сказала я, оторвавшись от него, хочется плакать снова.

– Угонят ещё... – засомневался он, но я вижу, что он хочет его взять.

– Возьми, Ю-Юшек, приезжать будешь и катать меня как раньше.

– И поедешь?

Мне кажется, что в глазах у него стоят слёзы, такие они сейчас прозрачно-голубые. Такие бездонные и огромные.

– Конечно, я стану ждать. Вместе со шлемом, – я показала его.

Ю-Ю засмеялся:

– Ладно, принеси мне мой и садись, довезу до твоего Метелицы. Если каждую неделю буду приезжать, не посчитаешь, что часто?

– Только скажешь заранее.

– Чтобы уговорить кавалера не ревновать?

– Пирогов тебе с ревенем напеку, – улыбнулась я. Как же я люблю тебя. Никого нет на земле как ты!

Да уж... никого нет. Мне хотелось убить Витьку, убить Лиду – негодную мать, мою маму-лицемерку, Метелицу, что всё же победил меня непонятно как. Но особенно себя. Вот разогнаться со всей дури и – в лепёшку. Харлея только и жалко...

И вот мы завтракаем на кухне у Васи, впереди уборки и вообще – дел непочатый край, надо привести его квартиру в нормальный вид, создать им уют здесь. Я ещё потому хочу это сделать, что жить в родительском доме... жить в родительском доме для меня теперь как пытка: Ю-Ю нет, все меня ненавидят, а то, что этот дом был мне тюрьмой, ещё усиливает эти чувства.

Иван Генрихович быстро и с удовольствием съел гречневую кашу, единственное, что я могла приготовить из тех продуктов, что нашлись на их кухне.

– Оказывается, готовить умеешь, – сказал он.

Мне приятно, что он начинает оттаивать по отношению ко мне.

– Да нет, вообще-то, не особенно. Но я научусь, – сказала я.

Иван Генрихович улыбнулся, Вася вообще улыбается без перерыва. И солнце улыбается, заглядывая в окно. Я чув-

ствую Васин неотступный взгляд. Васенька, милый, как я скучала по твоему взгляду... Едва Иван Генрихович, оглянувшись на Васю, закончил со своей тарелкой и, поблагодарив, вышел из кухни, Вася потянулся ко мне:

– Майка... это... сон?

Я улыбнулась:

– Нет.

Я не успела договорить, как он подхватил меня, и я не знаю как, но мы мгновенно оказались в комнате, на его диване. Я выброшу диван этот с его буграми и ямами под спиной...

Глава 3. Бой продолжается!..

Я выбросила этот диван. Вернее, мы его выбросили. Как почти всю «чудесную» мебель, что населяла Васину комнату. Ю-Ю давал мне денег столько, сколько я просила, я всегда говорила, на что, я хотела, чтобы он знал, и участвовал во всём, в самой моей жизни.

Мы переклеили обои и сменили линолеум на полу, полностью изменили Васину комнату, а потом и кухню до конца года, потратив изрядное количество Ю-Юшкиных денег, а потом он радовался, что потратили, а они не пропали, как у всех.

– Знаешь, даже какое-то мстительное удовольствие испытываю, когда понимаю, сколько денег сгорело «на книжках» у наших. Я свои, хотя бы, успел на хорошее дело потратить, жалею, что не все, – улыбался Ю-Ю.

Я поступила в институт. И Вася поступил на свою Информатику. И теперь, в 1996-м, я заканчиваю свой институт, а Вася уже год, как закончил. И работает в школе учителем... Это, чтобы не идти в армию, другого способа, кроме как учительствовать на селе нет – от армии бегают как во времена рекрутов не бегали: бардак, дедовщина, дезертирства, убийств, самоубийств. А с началом войны в Чечне... Словом, попасть сейчас в армию, едва ли не хуже, чем в тюрьму.

Наши одноклассники самыми разными способами «косят» от армии, кто придумал себе несуществующие болезни, кто поступил в институт с военными кафедрами, как наш мед.

Но кое-кто всё же загремел «под фанфары» и Славка, с которым мы учимся в одной группе, слышал, что отправили даже кого-то из параллельных классов в Чечню...

Самого Васю пришлось убеждать больше года, что храбриться и делать вид, что армия ему ни по чёму, как он настойчиво делал с первого курса, глупо, говорили я, говорил Иван Генрихович. Но решающим стал разговор с Ю-Ю. Слушая мои жалобы на упряма Васю, множество раз, Ю-Ю сказал как-то:

– Хочешь, я поговорю с ним? Ты его девушка, Иван Генрихович – старик, ваши голоса кажутся ему, взрослому, как он думает, мужчине, лишь досадным жужжанием, он уверен, что вы со страху.

– Так и есть, со страху, – подтвердила я.

Ю-Ю засмеялся, обняв меня за плечи:

– А он-то страха как-бы знать не должен. Особенно перед вашими светлыми очами. Он его и не знает, потому что очень молодой ещё. И детей нет, – он посмотрел на меня: – не планируете пока?

– Ю-Ю, закончу институт, там будет видно, – сказала я, немного досадуя на этот разговор, он смущает меня немного, потому что это Ю-Ю спрашивает и, главное, я и хочу ре-

бёнка, и совсем не хочу. Я хочу, чтобы появился кто-то ещё такой же как Вася, с его глазами, губами, носом этим смешным, с такими же волосами, глядя на кого я буду умирать от счастья, но... На этом кончится моя жизнь. Вот такое убеждение. Инфантилизм? Современная глупость? Прагматизм тяжёлых времён, когда ни у кого из моих одноклассниц ещё нет детей, ни у тех, с кем я учусь в институте? Родили только те, кто успел в восемнадцать. Кто перевалил 1991-92-й, не успев этого сделать, пока затаились, решая свои насущные проблемы жития.

Я смотрю на Маюшку, и пытаюсь понять, она не хочет пока рожать, потому что... почему? И хочет ли этого Вася? Они живут вместе шесть лет. Буквально. То есть по сути они женаты, не расписаны, но фактически, Майя ушла из дома и живёт у него, из их старой запущенной «сталинки» сделав чудесную уютную и симпатичную квартиру, даже к соседу этому, пыльному книжному таракану, сумела проникнуть в душу и он позволил ей и в своей комнате навести красоту.

Я бываю у них в гостях часто, испытывая от этого своеобразное мазохистское удовольствие: всё здесь сделано и куплено на мои деньги ещё до полного падения национальной валюты и начала галопа инфляции. Только с Маюшкиным вкусом и умением создать уют даже в палатке или на отдельно взятой кровати, как у неё в общежитии, можно было всё так здорово устроить за совсем, между прочим, небольшие деньги.

И когда разговор пошёл об армии, как раз началась война в Чечне, я пообещал Маюшке поговорить с Васей и выполнил своё обещание.

Это было полтора года назад, в Новый год, 1995-й, по телевизору то и дело показывали новости из Грозного, комментируя их довольно своеобразно, но картинка с экрана наводила ужас: настоящая Гражданская бойня.

Мы с Васей вышли на лестницу покурить сразу после такого выпуска.

– Ты, Маюшка сказала, не хочешь попробовать избежать службы в армии, – сказал я, закурив и выпустив первое облако дыма.

Он посмотрел на меня сквозь своё облако:

– Что, нажаловалась? – усмехнулся он, сверкнув белыми зубами.

Красивый стал за эти годы, из «гадкого утёнка» такой получился стройный, высокий, ладный белокурый «лебедь», Маюшка всегда этого лебедя в нём видела, похоже.

– А ты как думал? Само собой. Так чего упорствуешь? Так, на нервах играешь? Хочешь, чтобы подёргалась лишний раз из-за тебя?

Он честно усмехнулся, кивая. Не притворяется, что это не так. Искренние люди. Не то, что я. При всей моей симпатии к нему, как на редкость хорошему человеку, я не могу не продолжать ненавидеть его и завидовать до ломоты в висках и перебоев в сердце.

– Не без этого. Знаешь... – он сделался серьёзным, – уезжает каждый раз в эту вашу Москву, а я думаю, что я, какой-то М-ский любовник, а там полная столица мужиков, Славка Максимов, тоже... Вот и... – он коротко взглянул на меня. – А так – нервничает из-за меня, думает обо мне, на них не смотрит... – и снова рассмеялся. Шутит всё, ничего такого он всерьёз не думает.

– Что не женитесь? – спросил я, продолжая «наслаждаться» своим мазохизмом, расковыривая свои раны.

– Я едва на хлеб заработать могу... – хмурясь, проговорил он.

– Зарабатываешь же, несмотря ни на что. Ты студент, но зарабатываешь и кормишь её столько лет.

– Мало. Конечно, информатика сейчас на подъёме, я программы кое-кому делал, неплохо поднял, больше, чем грузчиком за месяц, – усмехнулся Вася.

– Значит, не в этом дело, что тогда?

– Она – принцесса, директорская дочка, а я голоштаный сирота...

– Она бездомная принцесса, Вася, если ты не забыл. И живёт с тобой в твоём «шалаше» столько уже времени.

– Всё равно, получается, я на самой богатой невесте в городе женюсь, Приборный завод как поднялся, они дом перестроили, говорят, Виктор Анатольевич в Москве хочет квартиру купить.

– Маюшке ничего не достанется, не бойсь, – усмехнулся я.

Вася выпустил последний дым, потушил сигарету в обрешеченной наполовину, банке из-под пива, что служила пепельницей здесь, на лестнице.

– В-общем, не дури, Вась, я понимаю, школа – это выход, может, похуже армии, но хотя бы вот так под танки не бросят тебя.

– Илья, не хочется за подол цепляться, как-то это...

– Да, хреново, конечно, но такое время, что делать? – согласился я, потушив и свою сигарету.

– Не знаю, – он пожал плечами.

– Твоя жизнь, думай сам, ты взрослый давно. И, надо тебе прицепиться к подолу или нет, сам решишь.

Я смотрел на него и понимал дилемму честного парня. И думал, что я бы делал? И я тоже не знаю. Ведь и послушаться любимую, тоже вроде слабаком перед нею самой себя показать. Или как?.. У меня тоже не было ответа на этот вопрос. Просто я не хотел страданий Маюшке.

– Идём, холодно здесь. И мочой воняет, – сказал я.

– Ссут, вот и воняет, – усмехнулся Вася.

– Сейчас, похоже, везде ссут, – ответил я.

Странно, а раньше по подъездам только целовались...

Мы пошли вверх по широкой лестнице с каменными ступенями, стены обшарпаны, двери облезли, кое-где железные стоят, полы заплёваны и зассаны, зачем-то посыпаны хлоркой или, не знаю, чем, белым порошком как в вокзальных сортирах, кто это сыплет и зачем? Но ступени из гранита

остаются самими собой даже в грязи.

– Да, Вася, что сказать хотел, ты с программами этими, смотри, с бандитами не свяжись, не то влипнешь по самые...
– сказал я.

Он обернулся:

– Не сразу, знаешь ли и поймёшь, кто пришёл-то, – он сам обеспокоен этим, пойти в армию ему не страшно, а вот с бандитами соединяться не хочет. Маюшка, такого хорошего мальчика выбрала, это же надо...

Все эти годы я остаюсь вблизи неё. Мы видимся не реже, чем раз в неделю, но вообще гораздо чаще. Она не поддерживает связи с родителями. Я с мамой вижусь и созваниваюсь регулярно. И знаю всё, что происходит там у них на Труда. Я знаю и рассказываю Маюшке. Но я рассказываю сам, она не спросила ни разу.

Давно утихли грязные разговоры, смытые такой громадной волной всеобщего разорения, грязи, крови, сифилиса и триппера, бандитских безобразий, смертей, что то, что тогда болтали о Маюшке в городе теперь представляется всего лишь «Санта-Барбарой», как сейчас стало модно говорить.

Вася, к его чести, не верил в эти слухи ни одной секунды. Может мне и жаль, что он так чист помыслами, ни разу даже не вздумал ревновать ко мне. Я к нему тоже не ревную, он стал для меня частью Маюшки, как если бы он был её ребёнок, например. Если бы я не заставлял себя каждый день, я давно сошёл бы с ума, или убил бы этого счастливец, потому

что в моей жизни никто вместо неё появиться не может.

Из квартиры Юргенса на Садовой я давно ушёл, снимал в разных концах города, теперь – комнату в старой коммуналке. Так что сейчас я жил в самом затрапезном, наверное, доме Замоскворечья. Я даже не знаю, сколько комнат в этой квартире-лабиринте, даже сколько всего у меня здесь соседей, потому что семьи, что здесь живут то пополняются, то их половины куда-то исчезают, в тюрьму садятся что ли? Старухи загадочного года рождения, я уверен, что некоторые не только застали царя, но и прошлый век, а тут, глядишь, благополучно вползут в своих шаркающих войлочных чёботах и в новый, и новое тысячелетие.

Но как раз эти «древние артефакты» из всех моих соседей были самыми симпатичными, я с ними приятельствую, знаю их по именам-отчествам, покупаю лекарства, нередко за свой счёт, а иногда и в магазине то, что беру себе, беру и для них: хлеб, молоко, сыр. Колбасу современную они не любят, как не очень-то любят и друг друга, немного ревную меня.

Евфимия Георгиевна – очень любит чай с конфетами «Москвичка», Эльвира Анатольевна булочки с маком, а Мария Сергеевна, между прочим, Макарова-Шульц, сохранившая следы былой красоты на маленьком, увядшем ещё при Хрущёве, лице, очень любит жаловаться на здоровье, может говорить о болезнях настоящих воображаемых часами, это хорошо, что не знает, что я врач, иначе, я пропал бы, и это

при том, что она не дождалась с войны сына и мужа, то есть мне она годится в прабабки, как ни странно она о своём возрасте предпочитает не говорить, кокетка.

Я обрелся здесь уже больше года. Сегодня Маюшка пришла сюда за мной, как договаривались. Когда она пришла сюда впервые, потом хихикала надо мной, над моей шестиметровой каморкой возле кухни с окном-щелью, смотрящим в стену соседнего дома. Но не понимает, глупенькая, как хорошо эта «чудесная» квартира действует на моих подружек, побывав здесь однажды, ни одна не повторила своего визита. Я давно превратился в потребителя одноразовых связей. А комфорта для себя на данном этапе я не искал.

Продавленный диван, который уже не был способен складываться, письменный стол и книжные полки, телевизор и видеомэгнитофон, вместо проигрывателя и мэгнитофона я довольствовался теперь плейером, но зато отменным, а вещей я вынужден был привыкнуть иметь немного, чтобы легко за раз переезжать. Бытовая аскеза стала привычкой на эти годы.

Но я не теряю надежды купить квартиру. И скоро, возможно, я смогу осуществить своё желание иметь, наконец свой угол. Куда Маюшка придёт как в мой дом и не будет смеяться надо мной, М-ским «голодранцем», принцем-изгнанником.

Я защитился ещё в 93-м, и вскоре ушёл с кафедры, в Перинатальный центр на Опарина. Был вариант на Сева-

стопольский проспект, но Опарина территориально рядом с Волгина, где Маюшкина общага и сама наша Alma mater, поэтому я и выбрал его, чтобы быть ближе к ней. Но в общежитии Маюшка бывала не каждый день, всё старалась уехать к своему ненаглядному Васе. Из-за этого мало дружила с одноклассниками, кроме Славы. Я пенял ей на это не раз, говорил, что будет жалеть, что её настигнет студенческий ветер свободы позднее и может натворить бед, надо сейчас участвовать в оргиях и попойках, пробовать нехорошие вещества, менять парней, куролесить, не спать, гуляя по ночной Москве. Что детскими болезнями надо переболеть в детстве. На что сегодня она, посмотрев на меня серьёзными синими глазами, сказала:

– Я не переболела тобой. Ты...

– Что ты сказала? – вскинулся я.

Мы собирались ехать в М-ск, я намеревался навестить маму, ну, и Лиду, конечно, пока Виктор был в командировке в Европах. И наш верный Харлей, по-прежнему, был нашим с Маюшкой главным транспортом. Хотя машин становится всё больше и скоро совсем житья от них не будет и ночью уже так не пролетишь по Московским улицам, как мы регулярно продолжали с ней делать...

Мы спускались по лестнице, когда Маюшка приостановилась на площадке, произнося свои слова.

Ей остаётся только один Госэкзамен и всё – получит диплом, сегодня приезжала на консультацию. За эти годы я ни

разу не приставал к ней, ни разу ничем не показал своего прежнего интереса и отношения, никогда не говорил, что засыпая после других, я видел её во сне, я этого не делал не только для её спокойствия, сколько для себя, не оставлять себе лазейки, никакой надежды на возвращение к прежнему, ничего. Я старался почти стерилизовать свои чувства к ней, я помнил, сколько горя и боли я принёс ей в прошлый раз, я не могу принести ещё больше. А будет больше, если она начнёт рвать сердце между нами двумя...

И я сохранял такой Status quo, чего бы это мне ни стоило. А стоило дорого. Очень дорого. И в эту минуту я понимаю это особенно. Вот от этих слов, так остро проходящих по мне. Я развернулся, остановившись, преградив ей дорогу вниз.

Маюшка стоит передо мной, натягивая на плечи куртку, чуть выгнулась, выступили соски под тонким платьем, ботинки грубые, она любит такое – гранж, как и Вася её. Как и я сам.

Но я хочу увидеть её лицо сейчас, когда она сказала, что не переболела мной. Просто так, вскользь сказала, не думая, или чувствует, что я так глубоко и тщательно прячу не только от неё, но от себя.

– Не смотри так, Ю-Юша... – сказала Машка, меняясь в лице и отступая.

Я не могу не только не смотреть, но не шагнуть к ней, она ещё отступила.

– Май...

– Илюша, я... – она поняла, почувствовала всё, как всегда могла только она.

Но именно потому, что я так долго и старательно прятал все эти чувства даже от себя, я и сжал её плечи, прижимая к стене. Вот так – одно слово и смыта многолетняя плотина, которую я строил и подлатывал всё время, каждый день. Так и бывает, когда за плотиной настоящая большая вода...

– Май, я...

– Не надо, ты... ты обещал... – выдохнула она, краснея, губы алее и...

Когда это я обещал? Что обещал?! Что я обещал, Май?..

Я наклонился к ней я не могу молчать больше:

– Я не могу больше молчать... я...

– Ю-Ю... это... Ну... ты что... нельзя... – чуть не плача, проговорила она.

Но даже это не могло остановить моих слов:

– Нельзя, но... Я столько лет... Я знаю, что это давно не нужно тебе, да и не было никогда нужно, ведь... Господи, это моё... моя мука... – я отпустил её плечи, оставив и отступил немного, перестал смотреть на неё, может, поможет...

Надо собраться... вдох-выдох, Илья Леонидыч, взрослый мужик, тридцать два года через месяц, возьми же себя в руки...

Но...

– Не было нужно?! – ахнула она. – Как же ты можешь так

говорить?! После всего?.. Ты... Ты... Вот бессовестный... – уже с настоящими слезами в голосе произнесла Маюшка...

Ну ты сама виновата...

– Май... – снова заговорил я, разворачиваясь и наступая на неё снова, уже уверенно: – я всё время могу думать только о тебе, хотеть только тебя, вспоминать все те дни, каждый день, час, всю нашу жизнь... Я... ты не представляешь, чего я только не пытался делать только, чтобы перестать... чтобы сбросить это... – я спешу, задыхаясь. – Если бы я не спал с тобой, я всё рано хотел бы этого, но я хотя бы не знал тогда, что... что это такое и что это для меня... – я вдохнул, пытаюсь унять безудержный галоп, которым скачет сердце. – Ты не представляешь, даже не сможешь представить, сколько женщин у меня было! Ты не можешь этого вообразить, ни у одного мужчины в этом городе, во всех городах мира вместе взятых, не было столько женщин... Но я ничего не чувствую, будто у меня наркоз, анестезия там... И в сердце... Чёрт, я член себе стёр на хрен и так и не почувствовал ничего!.. У меня так крепко встал на тебя, что ничто другое уже не манит и не радует.

Она заплакала, расширенными глазами глядя на меня и прижав обе ладони ко рту, затрясла головой:

– Что ж ты... говоришь-то, что ты... Илюшка... Илюшка... замолчи... Замолчи же...

Но всё, сорвало замки, засовы, плотина снесена, я оторвал её руки от её рта и прижался к нему губами. Наконец-то я

живу, дышу, пью воду поле стольких лет жажды...

Ю-Ю, милый... я не забыла, как ты целуешь... как ты можешь заполнить собой сразу всё, весь мой мир...

– Вот это нормально, Туманыч, даже до квартиры не дошёл, как подросток зелёный! – сипит соседский сифилитический голос, это один из тех самых, постоянно меняющихся мужиков, которых я не могу запомнить.

Я оттолкнул Маюшку к стене и развернулся к нему, закрыв её собой. Я, наверное, ещё в двенадцать лет приобрёл этот рефлекс – прикрывать её.

– Познакомь с девушкой-то.

– В другой раз, – сказал я, надеясь, что Маюшка сообразила, и не показывается из-за моей спины.

– Ну-ну, не буду мешать, – сказал похабный сосед и, продолжая усмехаться, пошёл вверх по лестнице. – Смори, стену хреном не пробей.

Я выпустил Маюшку из угла и кивнул, чтобы спускалась.

Я приехал на Садовое, совсем позабыв, что Илья сегодня занят и не сможет провести со мной холостяцкий вечер. Я сегодня освободился раньше, мой бывший одноклассник собирался привезти жену рожать, но она «раздумала», решили подождать настоящих схваток, вот вечер и освободился, а тут Илья, оказывается, занят.

Я поднялся в квартиру, перспектива одинокого пятничного вечера не очень грела душу, я взялся за телефонную

книжку. Куда бы завезтаться и с кем? Процентов восемьдесят записей в моей книжке – девушки, большую часть из которых я не помню, какие-то одноразовые знакомства. Мама, найдя однажды эту книжку, пришла в ужас от количества имён. И не поверила ни на миг ерунде, что я пытался напеть ей о том, что это мои пациентки или сослуживицы.

– Валентин, тебе тридцать третий год, надо жениться, – сказала она, отдавая мне книжку, выпавшую из моего плаща, который она намеревалась отдать в химчистку и взялась сложить для этой цели.

Мама посмотрела на меня и усмехнулась, у неё красивая усмешка, мама очень красива и моложава по-прежнему, всегда одета элегантно и даже стильно, даже дома, даже во времена, когда как сейчас их институт в глубоком простое и почти половина научных сотрудников ушли, кто уехал за границу, из тех, кто не работал с секретами, кто занялся коммерцией, уйдя в частые лаборатории и клиники, растущие как плесень на помойке.

Мама, заведующая лабораторией, еле-еле тянула с последним оставшимся из её мнс-ов начатую, ещё два года назад тему, о влиянии вирусов на эмбрион. К счастью, мы с ней принадлежим родственным профессиям, нам легко понять друг друга. Но в этом есть и сложность, мне почти невозможно обманывать её, прикрывая мои загулы. Впрочем, она никогда не ограничивала меня и не читала нотаций. Вот это первые.

– Может скажешь, на ком мне жениться? – почти дерзко ответил я.

Она посмотрела на меня, снимая красивые очки. Столкнувшись с ограничением в средствах, когда сильно упала её профессорская зарплата относительно цен, мама тем не менее не утратила приверженности к красивым и дорогим вещам, только она покупала их теперь реже. Но у неё был верный поклонник уже многие годы, который не скупился на подарки. Так что моя красавица-мама продолжала выглядеть и сегодня восхитительно.

– Скажу, конечно. Конечно, не на одной из «обитательниц» этой твоей грязной книжки, – сказала она. Вот не понимает, что ли, что такой, как она умной, тонкой и проницательной я не найду...

– Ма-ам... – протянул я, чувствуя себя девятиклассником.

– Возьми девушку из провинции, лучше всего, студентку последних курсов, например.

Я засмеялся:

– Чтобы она за прописку пошла?

– Будто за тебя кроме как за прописку не за что пойти, – покачала головой мама. – Но провинциалка будет в известной степени зависима от тебя, не убежит жаловаться мамочке, если что, а зависимость от мужчины, это хороший скрепляющий фактор в семье. К тому же они не такие инфантильные, живут самостоятельно в столице. И не в клубах, конечно, искать надо.

– Искать... Ты так говоришь, будто я по грибы пойти должен.

– Давно пора было грибы собирать, все уж разобрали, лучшие-то не ждут на полянках... – засмеялась мама, заканчивая сворачивать мой плащ. – Вон, приятель твой, этот... кто рожать-то собрался, уже ребёнок... самое время, куда время-то тянуть?

– Где ж я студентку теперь найду?

– Так вернись на кафедру хоть на полставки.

Я усмехнулся:

– Так не делают у нас. Кстати, о приятеле: их цех прикрыли, скоро завод продают.

– Как это? Автозавод?! И что будет там?

– Он думает, ничего не будет.

Мама захлопала глазами, становясь ещё моложе и симпатичнее:

– Как это не будет?

– Меня не спрашивай, я ничего не понимаю ни в машиностроении, ни в бизнесе. Никому нужен завод-гигант в наше время, целый город, который к тому же делает машины, что никому и даром не нужны. Лучше купить машину у тех, кто умеет их делать, у немцев или французов, или каких-нибудь шведов.

Мама завернула тюк, по старинке в серую бумагу, и где она берёт её?

– Странно, что же мы хуже немцев или шведов в маши-

нах понимаем? КАМАЗы Париж-Дакар побеждают каждый год... – задумчиво проговорила она.

– Так то КАМАЗ. Так что приятель ребёнка-то рожает, а живут с тётцей и тестем в «двушке» на «Черёмушках». Правда там теперь «хрущёвки» расселяют, так что к окончанию школы ребёнка может чего-нибудь и дадут.

Мама вздохнула:

– Это конечно... Это как-то не очень, верно, – она села на стул возле стола, на котором лежит теперь тюк с запиской, который отнесёт в химчистку наша многолетняя домработница Агнесса Илларионовна. Да-да, представьте, вот такое имечко, мне иногда кажется, что это псевдоним у нашей простой чувашской домработницы. – И всё же, Валентин Валентинович, дети – это счастье. И не тяни. Пару лет тебе даю, если не женишься, дальше – уже не надо, перестарки среди мужчин, ещё хуже, чем среди женщин.

Так что мама у меня женщина достойная одних только восторгов. А меня взяла тоска, при этом воспоминании. Я завидую Илье, что имеет, пусть и дурацкую, с моей точки зрения, но всё же привязанность. А мне до безумия скучно. И звонить никому не хочется, я отбросил книжку и повалился на свою, потрёпанную постельными баталиями, кровать. Напиться в одиночестве? Ведь и приятелей неженатых почти не осталось...

...Я вышел из подъезда, Маюшка возле красавца-Харлея,

уже надела шлем, застёгивает ремешок, обычно не застёгивает. Ясно, ни смотреть, ни говорить не станет сейчас.

Глава 4. Славно...

Я ездил на работу и с работы на автобусе каждый день, затрачивая на дорогу в одну сторону не больше получаса, но сегодня припозднился, автобус полз еле-еле, собирая на каждом повороте дачников и просто пешеходов, что голосовали ему, в конце-конце он набился полный, и хотя я сидел прижатый к окну, но и здесь дышать было нечем, как же терпят те, кто стоит? Это репетиция ада?.. Нет, в аду, думаю, мучат не физически, что куда хуже.

Майка сдаёт последний экзамен через два дня, сегодня на консультацию ездила, всё, институт закончен. Конечно, у них там заморочки с этими интернатурами или как там, но всё же, диплом через месяц, наверное, получит.

– Слыхали, говорят, в первом туре всё же у Зюганова процент был больше, – говорят люди в автобусе.

Силы у них есть говорить, спьяну, что ли? Пятница, полно весёлых подгуляк.

– Я за Зюганова голосовал.

– Ну ты ваще...

– А что такого? И я за Зюганова.

Я думаю, вот я голосовал за Ельцина. И Майка. А за кого, интересно, Илья? Иван Генрихович проигнорировал выборы, сказав, что всё это только игры с народом:

– Как в зоопарке... Чтобы публику отвлечь чем-то, устра-

ивают потеху. Артистов ещё возят для рекламы...

– Вы неправы, это и есть демократия, – возразил я, и даже удивился, что он так говорит. Раньше мы с ним не обсуждали эти вопросы, почему?

Он улыбнулся снисходительно и снял очки, протереть куском старой фланельки.

– Ну, конечно! Как ты наивен и чист, – он покачал головой. – Это и есть демократия. Я как раз не спорю. Кто-то решает, чьи-то интересы, кто там, у кормил, но только не народ.

– А в других странах? Иначе? Или это только у нас всё уродливо, как всегда?

– И в других, какая разница? Власть – сакральная вещь. Она от Бога, не от людей. Только тогда её можно уважать. А так: сегодня один, завтра – другой, перед кем они отвечают?

– Перед народом, – ответил я, всё больше удивляясь.

Иван Генрихович посмотрел на меня, как смотрят на пятилетних, если они берутся рассуждать, скажем, о высшей математике. То же снисхождение и та же готовность объяснить по-простому даже без расчёта на то, что младенец всё же поймёт.

– Ты не помнишь, как наши преподобные олигархи, не мало не сумняшись, написали в открытом письме «предупреждение для слишком беспринципных и слишком бескомпромиссных политиков»? Ещё в апреле. Вот так, не стыдясь никого и ничего. Даже не подковёрная возня, всё открыто,

это как надо обнаглеть!?! Они народ вообще ни во что не ставят, так, навоз, почва, быдло, как стало модно говорить. Всё стерпят, всё примут, что эти молодчики решат, у них ведь и воля и ресурсы, как они выразились. То есть, напрямую: будете делать то, что скажем мы. Все. Так что, какие выборы, Василий, не будь наивным. Если ты пребываешь в очаровании антикоммунистических настроений вместе с остальной молодёжью, то на выборы ходят те, кто выбирает коммунистов. Но им власти не видать, помани моё слово. Всё это голосование, предвыборная кампания, всё это шоу. И не более.

Оказалось, что Иван Генрихович монархист, вот такие дела.

Но и на его монархические высказывания я возразил:

– Но разве никто не влияет на монархов? Всё то же.

Иван Генрихович улыбнулся:

– Да, верно, но там ты лично отвечаешь и от рождения до смерти, есть понятие чести, рода, и, главное, перед Богом, ведь ты помазанник Божий. А здесь никто не отвечает, побудет своё время одна кукла, её сменяет другая, – он посмотрел на меня уже без улыбки. – Что делается, Василий, страна разрушена росчерком пера вмиг, война затеяна, кто ответит?

В его голосе горечь, которая удивила меня. У меня все последние годы настроение исключительно приподнятое.

– Разве? Разве вмиг? Несколько лет разваливалось всё, разлагалось. Все только радовались. Как в августе 91-го Дзержинского верёвкой за шею с пьедестала стаскивали под

всеобщий восторг...

– И ты был в восторге? – Иван Генрихович смотрит внимательно.

Что я могу ответить? В тот день мы с Майкой не смотрели телевизор, он просто работал. Всю эту жуть путча с «Лебединым озером» мы с Майкой утопили в объятиях друг друга. Что нам был путч? Что сейчас эти выборы? То есть интересно и страшно, что сейчас вернутся страшные коммунисты и наступит 37-й год, но и об этом мы стали забывать.

Изобилие в магазинах, наступившее как цунами после абсолютной пустоты прилавков, и цены, растущие каждый день, единственное из насущного, что как-то касалось нас. Именно как-то, на деле всё это было как-то вне нашего мира. Мы от голода не страдали. И мы вполне обходились и были рады и простой картошке, гречке, или пшёнке. Тушенка – вообще счастье, как и появившаяся позже лапша быстрого приготовления.

Я просил Майку даже не пытаться кормить меня на деньги её дяди, достаточно, что она растрясла его на обстановку в этой квартире, что он даёт ей на карманные расходы, она покупает себе тряпки или он сам дарит ей, но будет время, я стану одевать её. Кормить её должен я. И я это делаю, как могу, не слишком изобильно, конечно. Работа в школе, увы, доходов приносит немного, хотя я старался брать как можно больше часов, кроме информатики, ещё и алгебру, и физику, вот только классное руководство, за которое платят больше

все это уже за гранью моих сил. И поэтому последний год мы живём уже куда легче.

Целый учебный год общения со школьниками старшего возраста, которые моложе меня всего на шесть-семь лет сильно утомляет. Парням мне, конечно, проще было объяснить, что церемонится я не буду: после попытки неповиновения и пренебрежения одного я вышвырнул за дверь, так что он косяк едва не съёл, а остальным наставил «пар», испортив отметки за четверть. И резюмировал это всё:

– Сюсюкать не буду, мне ваши «пятёрки» не сдались, не хотите предмет знать, ваше дело, оставайтесь в прошлом веке.

Присмирили. И другим передали, большие проблемы на этом кончились. Даже директор про мои вольности ничего не сказал, во-первых: дефицит кадров, во-вторых: я уверен, что он сам хотел бы так же врезать кому-нибудь из этих лосей-озорников. Но ученики всегда пробуют «на слабо» учителей, особенно молодых и неопытных. Мы сами были такие, все всегда такие. Поэтому на самом деле я не злился.

Но если с парнями я кое-как наладил отношения, то девушки – это хуже. Влажные взгляды, облизывания некрашенных блеском губ, юбочки, что они задирали будто случайно, думая взволновать или смутить меня, записочки, попытки прижаться ненароком и тому подобное. Орать на них за это или «двойки» ставить было бы странно, я долго мучился, прежде чем мне пришла в голову спасительная идея: я по-

просил Майку приехать за мной на работу на Харлее.

Она посмотрела серьёзно:

– Тебе... для авторитета надо?

– Да, пускай увидят какая у меня крутая девушка, вроде и я сразу не лох.

Майка засмеялась:

– Ах, ты мой хитрюга! Использовать меня хочешь в корыстных целях?

– Очень!..

Она приехала. И... Волшебно получилось!

Это был предмайский тёплый день, полный двор народу, школьники всех возрастов, растекались из школы, когда сверкающий хромом и сталью рокочущий железный «конь» медленно и значительно подкатил к самому школьному крыльцу, раздвигая потоки ребят.

Майка сняла шлем, мотнув волосами, вот такая, в косухе, джинсах, обтягивающих её прекрасные стройные бёдра, и осталась в седле, поджидая меня, с олимпийским спокойствием встречая взгляды и возгласы окружающих.

О, в эти минуты я почувствовал себя большей «звездой», чем какой-нибудь Майкл Джексон, когда тот приезжал в Москву недавно. Я вышел, не спеша из дверей школы, со всем возможным изяществом и небрежностью сбежал со ступенек и подошёл к Харлею.

– Целуй, чего остановился, – тихо сказала Майка, улыбаясь.

Я улыбнулся, мы поцеловались очень легко, конечно, но всё же страстно, и двор вокруг нас замер в драматичной паузе, буквально раскрыв рты.

После чего я надел привезённый мне Майкой шлем её Ю-Ю, и мы укатили, так же не спеша до дороги, а там она махнула такую скорость, что рёв разбудил всю деревню.

Отпали не только глупые притязания девчонок то ли наивные, то ли провокационные, но и парни теперь смотрели на меня как на Бога. Раньше надо было этот манёвр проделать, ещё осенью.

Но директор меня к себе всё же вызвал:

– Василий Андреевич, вчера, я слышал, произошёл инцидент в школьном дворе.

Я смотрю на него невинными глазами и понимаю, что он своими глазами всё видел, окно его кабинета выходит во двор.

– Это... Эта девушка, ваша...

– Моя жена, – ответил я.

– Я считал, вы холостяк. Хотя теперь... Но, хотя бы понятно теперь, волосы ваши, и... Вы тоже рокер, выходит? Или сейчас по-другому называется уже... э-э, байкер... Но... это ваше дело, сейчас у нас свобода. И всё же... Попросите жену больше во двор не въезжать. Это... опасно, в конце концов, могла задавить кого-нибудь.

– Да-да, конечно, Николай Степаныч, – ещё невиннее сказал я, внутренне ликуя.

Так что Майка и в этом мне принесла удачу и даже всеобщее уважение. Майка вообще сплошное моё счастье. Не было и дня, чтобы я чувствовал иначе.

– Хочешь, стану приезжать иногда, для поддержания имиджа, если Ю-Юшка разрешит мне самой кататься, он вообще не очень любит, когда я за руль сажусь, – спросила Майка.

– Потому что ты гоняешь.

– Ты боишься? – засмеялась она.

– Да нет, классно, – и я ответил смехом.

Мне и правда нравится вот так с ней нестись на скорости. Держать её, гибкую талию в ладонях и понимать, что мы и мотоцикл – одно целое, как двухголовый кентавр, летящий почти как Пегас.

Это почти так же прекрасно, как любить её... Только с ней я понял, почему люди так ценят эту сторону жизни. Я таю и растекаюсь как мёд, едва обнимая её. И столько силы откуда-то входит в меня, столько жажды, что утолить её мне удаётся только на время.

Вот и сейчас я думал об этом, приехав домой. Я застал уже Майку дома, она, немного бледная и какая-то странная, занималась ногтями, поджидая меня. Я открыл сам, к Ивану Генриховичу ходят ученики и мы старались открывать двери сами, не трезвонить, чтобы не мешать ему зарабатывать. Поэтому Майка не слышала, как я вошёл в квартиру и только, когда я открыл дверь в комнату, подняла голову. Так и есть, педикюр, лаком для ногтей пахнет...

– Пришёл, – улыбнулась она как-то странно блеснули глазами. Поднялась навстречу, отложив маленькие ножнички, – пойдём, покормлю.

Я обнял её:

– А сама?

– Я ела.

Врёт. Я сразу понял, она всегда ждёт меня, что-то такое... странное с ней. Но, может, расскажет. Или... я хотел поцеловать её, но она отстранилась, улыбаясь, извиняющимся каким-то манером:

– Умылся бы, пропах автобусом.

Верно, я пропах чем-то похуже, но права, что ж...

Я пошёл в душ, пока Майка разогревала ужин. Сегодня, оказывается, плов у нас. Майка готовит его редко, говоря, что по-настоящему сделать не сможет, а суррогатом кормить нас с Иваном Генриховичем часто не хочет. Но её «суррогат» очень вкусный. И я очень голодный. Я так и сказал и попросил добавки.

Майка улыбнулась, положила мне ещё и включила газ под чайником. А сама подошла к окну, там на подоконнике лежат сигареты. Странно, она курила в последний раз... я даже не помню, когда это было. Но она закурила и смотрит на улицу, всё ещё полную света, длинный летний день, самые длинные дни в году...

– Что ты... что-то случилось сегодня? – спросил я, когда она подошла снова, расставляя чашки на столе.

А я пока вымыл свою тарелку. Мы с Иваном Генриховичем мыли посуду по очереди. За собой всегда.

– Ты... – Майка посмотрела на меня, но так и не продолжила и, моргнув несколько раз, будто раздумывая, но потом всё же сказала: – Я закончу с ногтями, ладно?

Чтобы не посидеть вместе со мной за ужином... Что такое? Всё большее беспокойство овладевает мной. Мы не ссорились и серьёзных неприятностей у нас и между нами не было. Иногда, если надо было что-то обдумать, Майка становилась похожей на такую как сейчас, и занималась ногтями, волосами в такие «раздумчивые» моменты, молчаливая, сосредоточенная, слушая то, что бормочет телевизор или рассказываю я. Но сейчас она уходит и вовсе не хочет того, что я мог бы рассказать.

Когда она повернулась к выходу, я заметил, что она подрезала волосы.

– Ты подстриглась?

– Да, немного, – ответила Майка опять с той же извиняющейся улыбкой.

Не немного, она держала обычно одну и ту же длину, подрезая раз в два месяца на два-три сантиметра, что вообще не заметишь, а тут сразу сантиметров на пятнадцать: были почти по пояс, теперь едва за лопатки. И высушила их как-то ровно, почти выпрямила, сейчас модно вот так, гладко...

Мне стало совсем не по себе. Она любит менять только одежду и украшения, а длина волос оставалась неизменной

всё то время, что я её знаю, больше десяти лет.

Когда я вошёл в комнату, она уже убирала свои маникюрные «шурешки», поглядывая в телевизор.

– Смотри-ка опять про эту коробку из-под ксерокса говорят, – сказала она.

– Иван Генрихович считает, что всё заранее куплено и известно...

– Ты про выборы?

– А ты, разве не об этом? – удивился я. Говорит, будто сама здесь и нет её... – Да что с тобой?

– Ты... – Она взглянула на меня, наконец.

Вот и подошла даже, и обняла, прильнув плоским животом, упругим и вибрирующим, поющим как струна, Майка... Ну, наконец-то...

Но нет, я обрадовался рано, вдруг она прекратила все поцелуи и села, на нашей широкой софе, куда я уже увлёк её. Я потянулся за ней:

– Что с тобой? – мне уже страшно.

Но она отодвигает мои руки...

Вася... Вася, любимый, мой милый, если бы я знала! Если бы могла сказать, что со мной. Хотя бы самой себе сказать, объяснить это.

Всё было как-то так, как должно, как рисовало мне моё воображение, всё, как оно рисует всем девочкам. Ты – самый прекрасный, абсолютно идеальный и быть с тобой – абсолютное счастье. И я не думала ни о чём и ни о ком другом всё это

время. Я жила с тобой, наслаждаясь каждым днём. Наслаждаясь, без преувеличения. Потому что я знаю, как это – испытывать страдания от каждого мига существования. Быть отвергнутой всеми, даже своей семьёй. И только ты принимал меня полностью, ни ревности, ни недоверия или подозрений.

Но что-то происходило исподволь или случилось вдруг, я не могу сейчас понять. Даже осознать.

И дело не в поцелуе Ю-Ю, поцелуй только точка в моей фразе: я не переболела тобой. Почему эти слова выскочили из меня? Почему, откуда? Я даже не думала об этом. Вообще не думала об этом все эти годы. Был только Вася и наш с ним мир. Ю-Ю смог, все эти годы оставаясь рядом, ни разу не напомнить о том, что было. Ни разу. Но что это тогда? Его слова и его поцелуй – только масло в уже горящий огонь. Не они зародили его, он уже горел. Всё это время. Всегда?

Институт заканчивается, впереди интернатура или ординатура. Конечно, Вася хотел, чтобы я вернулась в М-ск, но меня брали в клиническую ординатуру по акушерству и гинекологии, благодаря протекции Ю-Ю, без протекции не попасть, хоть бы я с двумя красными дипломами заканчивала. Отказаться от этого – неправильно, но это впервые за всё время, что я делаю не так, как хочет Вася.

Как и то, что сейчас я не хочу с ним заниматься любовью. То есть, я, конечно, могла бы просто быть с ним, коли он этого хочет, такое бывало и раньше, невозможно хотеть

столько, сколько хочет он, но для меня радость дарить ему удовольствие. Но не сейчас. Не сейчас... Я не могу сейчас. Произошло нечто, что не может быть не замечено и пройдено мимо. Быть с Васей и думать о Ю-Ю...

Я дрогнула от этой мысли. Вот что... Майя, что ты... что ты творишь?!

– Вася... я не могу... я изменила тебе.

– Ты что плетёшь?! – вздрогнул я, садясь рядом с ней.

– Я изменила тебе, и я не могу быть с тобой, – она встала, и обернувшись по сторонам, взяла куртку с кресла.

– Стой! Ты... Господи, куда ты собралась, скоро ночь!

– Не важно... – произнесла она так, что я заледенел. – Всё неважно, Вася.

Я встал и, обойдя её, преградил путь:

– Никуда я не пущу тебя. С кем ты могла мне изменить, бред собачий! И зачем?

– Не зачем... Просто потому, что я такая дрянь. Я... ты же знал, какая я, все об этом знают, что ты...

– Кто что о тебе знает, кроме меня?!

Бес в неё вселился что ли? Позовите экзорциста...

– Только я знаю, кто ты, что, какая ты. Только я...

– Ты... То, что я спала с Ю-Ю, ты знал?

– Враньё, – сказал я. Столько лет он рядом, что я ничего не почувствовал бы? Я каждый взгляд на неё чувствовал всегда. А такое и не почувствовал бы?

– Я ухожу. Я не могу быть в двух местах сразу.

– Не понимаю ничего! – закричал я. Мне не верится, что это происходит. Такого просто не может быть.

– Поймёшь... чуть-чуть подумаешь и поймёшь...

– Что с тобой? Тебе что... вдруг стало скучно? Ты... ты что делаешь?! Зачем?!

– Я не могу тебе врать, – сказала она, не глядя на меня. Она всё это время не смотрит на меня.

– Ты меня больше не любишь?

Майка вздрогнула:

– Как... ты... нет... – и подняла глаза на меня, они горят ярким, безумным огнём: – Не знаю, не спрашивай... Люблю... Не могу тебя не любить... И... И любить тоже не могу. Быть с тобой не могу! Ты светлый, ты ясный, прозрачный, а во мне чернота... грязь и скверна... – она оттолкнула меня и выбежала прочь.

А я так и остался, сидеть на софе, на которую сел, когда он оттолкнула меня. Ничего не понимая. Ничего почти не чувствуя. Так и происходит, когда случаются самые страшные катастрофы, оупение и бессилие... Глава 1. Дом.

Часть 12

Глава 1. Дом

– Ты давно не приезжал, как твои дела? – спросила я, сутясь.

Накормить – это первый инстинкт материнский или просто женский, но я ставлю в микроволновку жаркое из отборной баранины, Лида достала из недр двустворчатого холодильника, похожего на громадный сейф из кино про Джеймса Бонда, буженину, сыр, зелень, помидоры, оливки, чёрную икру, красную я забыла купить...

– Я – хорошо. Да куда столько, вы что, девочки!

– Что пить будешь, Илюша, водку, Мартини? Или белое вино? – не слушая его возражений, спросила Лида.

– Ну, если вы со мной выпьете, то можно и водки.

– Лидуша, там есть ещё грейпфрутовый? Я бы Мартини с ним выпила.

– Я-то подумала, может... Нашёл невесту, наконец.

Илья не ответил. Мы старались все эти годы не касаться больше темы, из-за которой наши дети ушли из дома. Илья не появлялся почти год после этого, даже позвонила первой я. Но потом стал приезжать всё же, редко, несколько раз в год, но чем дальше, тем всё же чаще. Всегда в отсутствие

Виктора, с ним он примирится сил не имел. И Виктор слышать не хотел об Илье.

– Как у Маюшки дела? – это мы тоже спрашиваем всегда и всё знаем о нашей девочке, которую не видели шесть лет.

И знаем о Васе, чему мы с Лидой очень обрадовались, всё как-то правильно организовалось, будто и не было ничего того, что разрушило нашу семью. Теперь и мы сами уже почти позабыли об этом.

Мои дела были неизменны, как и Лидины. Только что с кончиной партии я остаюсь всего лишь директором школы, но и к этому я привыкла, столько перемен за эти годы. Меняют программы чуть ли не ежегодно, курс истории теперь вообще непонятно как вести. Как и географии, особенно в экономической её части. Учителей не хватает, многие предметы из-за этого целые четверти не преподаются.

Но у Виктора дела на заводе идут не просто в гору, а на редкость хорошо. Он зарабатывал столько, что мы с Лидой и не спрашивали даже, но на переделку дома, которую он непременно хотел сделать, словно избавиться от комнат Майи и Ильи было необходимо, чтобы просто продолжить жить, на эту переделку ушло много тысяч долларов.

Виктор ни разу о Майе не спросил. И когда Лида попыталась рассказать ему о ней, отрезал:

– Я не знаю, о ком речь, и мне неинтересно.

Мы с ней даже не стали обсуждать это. Вообще же, после ухода их из нашего дома, будто и жизнь ушла отсюда. И

спасибо Илье, что он имеет достаточно сердца, чтобы всё же простить нас и примириться.

– Маюшка идёт в ординатуру, последний Гос сдаст и всё.

– Всё же в ординатуру? – улыбнулась Лида.

Она горда достижениями дочери и то, что муж не хочет вместе с ней разделять этой гордости, огорчает её. Она не потеряла и капли своей красоты до сих пор, её не коснулось ещё увядание, даже фигура не отяжелела, за этим она ревностно следит. И сейчас, когда они, мои дочь и сын сидят вместе за этим столом, я вижу, как они похожи. Я горжусь ими обоими, и материнская нежность переполняет меня.

Илья ест почти без аппетита сегодня и говорит немного, поэтому берусь рассказать я и о делах в школе, и о делах в городе. Потом Лида о больнице, об общих знакомых. Но Илья больше курит, чем ест или пьёт и слушает довольно рассеянно.

Мне не только не хотелось есть, я вообще жалею, что всё же приехал, я не в силах даже рассказать, что их интересует. Всё во мне – это наш с Маюшкой разговор на лестнице. И её слова. И её губы... и мокрые ресницы...

Мы доехали до дома Васи, она соскочила с седла ещё до того, как я успел полностью остановиться, и исчезла в подъезде, на бегу снимая шлем. Я смотрел ей вслед, слушал её шаги по лестнице наверх, поднял голову и смотрел на окна... Я ничего не видел и не слышал, но я смотрел и слушал...

Не переболела... Маюшка... Маюшка...

И вдруг...

...Звонок в дверь – это то, чего никто из нас не ожидал.

Никто к нам в гости не ходит давным-давно, кроме нужных Виктору людей, которых мы принимаем со всей положенной помпой. К моим приятельницам я хожу сама, как и Лида встречается с подругами вне этого дома, который после перестройки стал совсем не похож на себя...

Илья поднялся, затушил сигарету, которая дымила в его пальцах уже пару минут без интереса с его стороны, даже столбик пепла успел нарасти.

– Я открою, время такое, что...

Я сама не знаю, почему я побежала домой. Именно так. Я не была здесь шесть лет, даже мимо не проходила. Ю-Ю говорил мне, что отец перестроил дом, но я не представляла, что настолько.

В сумерках мне предстало совсем незнакомое место, я даже подумала, что я ошиблась. Ничего в этом особняке со странной готической башенкой на том месте, где когда-то была лестница на Ю-Юшин балкон, не напоминало наш дом. Никакой Найды уже не было и в помине, в большой будке, похожей на небольшой домик заворчал какое-то большое животное. Мне стало жутко. Замирая от страха, я позвонила в дверь поднявшись на крыльцо в четыре ступени. Может быть это вообще не тот дом, опять подумала я.

Когда дверь открылась, осветив меня ярким светом элек-

трических ламп, стало ясно, что дом тот и ясно, почему я прибежала сюда: Ю-Ю был здесь. Когда он в этом ярком золотом свете предстал на пороге, мне показалось какой-то портал открылся передо мной, тот, что влиял всё время на меня своим магнитным полем или как-то ещё, но раскрылся только теперь...

– Кто там, Илья?

– Мама, это я, – сказала я, чтобы не смотреть на Ю-Ю, чтобы не кинуться ему на шею, что за сумасшествие? Как-то надо взять себя в руки... Но ведь я пришла сюда, потому что искала его...

Мама почти выбежала навстречу. Она такая тоненькая, кажется ещё моложе, чем тогда, шесть лет назад. Прическа всё та же... А домашнее платье новое... И красивые тапочки на каблукках, с пушками на мысках... Но всё это я разглядела позднее, когда мы перестали обниматься и плакать...

Да, моя дочь, повзрослевшая малышка. Она ушла отсюда, даже не оглянувшись, шесть лет назад, и все эти шесть лет жила так, что мне было стыдно, что мы могли так поступить с нашей девочкой тогда. Она оказалась не только лучше, чем мы думали о ней, но и лучше нас самих.

И вот она та же и не та. Она... изменилась. Стала красивее, поумневшей красотой. Это не нераспущенный бутон, это начавший расцветать куст шиповника. Некоторые цветки уже полностью раскрыли лепестки, другие ещё только готовятся, а третьи раздумывают, когда им расцвести сейчас или

позднее. Вот такая, немного сложная, неочевидная, но завораживающая с первого взгляда. Невозможно оторвать взгляд. От её движений, от улыбки, от её глаз. Неужели они с Ильёй так и продолжают свою любовь? Или... что-то с ними обоими сейчас...

Нашего дома больше нет. Он не исчез в недрах этого мини-замка М-ского пошиба, наш дом исчез, растворился во времени. И даже красивая старинная мебель, что оставалась в этой обширной новой гостиной и напольные часы со сломанным боем, и люстра богемского хрусталя в двенадцать рожков, все эти вещи казались здесь такими же гостями, как и мы с Ю-Ю. Но хозяйки ли мама и бабушка? Им уютно в этих обширных и гулких комнатах, среди золотых ручек, бра, обоев, отливающих золотом и перламутром?

Отца нет, интересно, он такой же, как был? Или седина появилась, или облысел, или пополнел...

Я почувствовала взгляд Ю-Ю, мне хочется посмотреть на него и я понимаю, что если обернусь к нему, то не смогу уже перестать смотреть, не вырвусь ни из глаз его, ни из его рук уже никогда.

Зачем я наговорила всё это Васе? Зачем? Отрезала себе путь? Или... Как он сказал: враньё? Может простит ещё?..

Мама и бабушка расспрашивают наперебой о Васе, об учёбе, об интернатуре, Ю-Ю успел рассказать...

– Какие отметки, Маюшенька? Диплом...

– Красный диплом, – гордо сказал Ю-Ю.

– Тьфу-тьфу! – сказала я. – Ещё один Гос, не сглазь.

Мама подала бутылку шампанского Ю-Ю:

– Илья, открой, нельзя не выпить за нашу встречу!

Бабушка принесла узкие узорчатые фужеры, тоже новые, незнакомые, при мне шампанское пили из треугольных бокалов, которые были в каждом советском серванте, теперь все знают, что надо из таких вот, овоидных...

Все эти чудесные яства на столе, я отвыкла от них, даже забыла о том, что существует чёрная икра, буженина, голубой сыр и прочие деликатесы, но, оказывается, я не скучала по ним. И по маме с бабушкой. Я так думала. А сейчас смотрю на них и понимаю, какой ошибкой было прийти сюда. Сначала сказать Ю-Ю то, что сказала, а теперь я будто в машине времени. Надо остановиться, вернуться назад к Васе, я не могу без него...

...Пришла. Пришла, за мной пришла, я знаю... Больше не отпущу тебя. Как мог отпустить? Из вины отпустил. От боли. Не могу отпустить больше...

...Боже мой, он не отпустит меня теперь... бежать надо... Как я могла с Васей так говорить? Только бы не ушёл никуда...

...Что происходит между ними опять? Ничего не забыто? А как же Вася тогда? Я не только от Ильи знаю, что Майя и Вася Метелица живут вместе все эти шесть лет. Тогда, что происходит сейчас между Майей и Ильёй?

– Илья сказал, ты на акушерство идёшь, – сказала Лида, она тоже заметила что-то сейчас между Ильёй и Майей? – Династия у нас получается.

– Это сейчас немодное слово, – сказала Майя растерянно. – А где папа?

Мы дрогнули от её вопроса. Ведь Виктор... захотел бы Виктор, чтобы ребята пришли в этот дом? Не представляю, чтобы они могли бы так же обняться и поцеловаться, как мы с Маюшей.

– Он в командировке, во Франкфурте-на-Майне, у них там партнёры.

– Да, я слышала, что завод процветает как ни один другой.

– АвтоВАЗ тоже процветает. Не наезжают бандиты? Сейчас успешные заводы или под олигархов ушли, или просто перестали существовать, – сказал Илья.

Мы с Лидой переглянулись. Мы ничего такого не знаем. Если и есть, то Виктор ничего не рассказывал, он теперь гораздо менее откровенен.

Я оглянулась на часы, часы и те совсем незнакомые висят на обновлённой богатой дубовой кухне, оборудованной так, что мне и не снилось в нашей милой кухоньке на четвёртом этаже старой «сталинки» ... Мне захотелось плакать. Какая же глупость. Какая же ужасная глупость, как я могла? Что я вообще делаю? Никогда ещё бабья дурь не овладевала мной.

– Ох, полночь, пора... – ахнула я. – Надо домой.

Меня резануло это: «домой», здесь нет для неё дома... Де-

вочка моя... была одна дочка и ту я позволила оторвать от себя. Тогда казалось правильно...

Майя встала, тоненькая, как истончала тогда, так и не пополнила.

– Жениться-то не собираетесь с Васей? Институты окончили, – спросила я.

– Собираемся, – улыбнулась Маюшка. Господи...

– Пришли бы с Васей, а, Маюша?

Мы дошли до обширной и нарядной передней, с красивым напольным канделябром, в виде какой-то нимфы с фонарём, позолоченными консолями, узорной вешалкой с позолоченными крючками. Это я ещё в ванной не была, страшно подумать... Странно, мы всегда в достатке жили, что это понесло их по золоту этом самоварному?

– Илья, ты...

– Я провожу Маюшку и вернусь, – сказал я.

– Не надо, останься, – сказала Маюшка.

– С ума сошла, ночь на дворе, куда одна-то?

– Я бегом. Хотите, позвоню, как доберусь, – и не смотрит на меня. Боится наедине остаться, да ещё ночь, тёмный город.

– Я провожу, – повторил я. – В советское-то время нечего было болтаться, а теперь подавно.

– Я прошу тебя, – сказала Маюшка, впервые после того, как мы вышли из подъезда, взглянув на меня очень быстрым, вскользь, взглядом, но я увидел, как горят её глаза.

Я всё понял...

И ничего не понял...

А я выскочила из этого странного особняка, где жили теперь мои родители, о которых я не думала шесть лет, и побежала так, будто за мной гонятся.

Я добежала до квартиры, где я так сказочно живу, бегом, через тёмный, вонючий подъезд, к двери, я и ключ не взяла. Но дверь... открыта. Только будь дома, Васенька, только будь дома...

Конечно, я дома. И жду её. Я чувствовал, я так и знал, что придёт. Не знаю, что за припадок случился с ней, но не может быть, не может быть, чтобы вот так вдруг она бросила меня. И не вдруг не может. Она меня не может бросить. Никогда...

Я не спал, конечно, но постель разложил и смотрел телевизор, когда она вошла и остановилась у двери, закрыв её за собой. Я сел и откинул одеяло, приглашая её к себе в нагретое мной гнездо.

Она мгновенно сбросила одежду и легла рядом со мной, глядя на меня блестящими глазами.

– Прости меня, – только и сказала.

– Бывает, – сказал я, обнимая её, с холодными волосами и разгоряченным от бега телом...

Глава 2. Грустно

Сказать, что мои дела шли хорошо, это поскромничать с эпитетами. Со времени перехода на хозрасчет, с тем, что умерли почти все отрасли отечественной промышленности, наш приборный завод оказался нужен тем, кто остался наплаву. Наше процветание только росло и ширилось. Потянулись контракты за границу, и по всей стране, бывшему СССР. Мало нашлось бы предприятий, работающих как наш завод. Все оборонные закрылись, так и не сумев научиться лить титановые кастрюли вместо деталей для самолётов и танков. И рабочие, и инженеры потянулись на рынки и в челноки, таская клетчатые баулы из Турции и Китая со всяким тряпьем, наводняя им всё и вся. Теперь дефицита не существовало. Теперь было всё. Громадные рынки в столице и во всех городах стали лицом новой экономики.

Но мы с Лидой там ничего не покупали. Очень приличные бутики снабжали одеждой нас и Татьяну Павловну. И наш дом преобразился из особнячка непонятных стилей и времён в настоящий современный красавец. Я горжусь и домом, и моей красавицей-женой, мне приятно, когда проходящие в мой дом партнёры восхищаются ею и спрашивают, насколько же она меня моложе.

Мы с Лидой очень сблизились теперь. Больше, чем раньше. Ни она, ни я не тратили теперь эмоций вне дома. Меня

научил горький опыт прошлого, а Лида, я думаю, перестала делать то же, потому что прекратил я.

И то, что у нас теперь нет детей, тоже сближает нас. Паршивую овцу, что ушла в обнимку со своим любовником-извращенцем я исключил не только из моего сердца, но даже из мыслей. Я заставил Лиду выбросить все её фотографии и никогда ничего мне не рассказывать. Я ничего не хочу знать. Будто её не было. Не представляю, что было бы, если бы я увидел её снова. Не хочу вспоминать даже её имя.

Но иногда она приходит ко мне во сне. Это мучительные и тяжкие сны, как те, которые приводят умерших, и ты си-лишься понять, чего же они хотят от тебя. Вся тьма, что владела мной в те месяцы, сразу оживает во мне и ладони зудят от бессильного желания избить кого-нибудь...

Но, к счастью, мне есть чем занимать мои мысли и мои чувства.

Из этой поездки я везу подарки для Лиды и тёщи, красивые золотые браслеты и ожерелья. Татьяна Павловна не сдаёт позиций по-прежнему.

Но в последнюю перед отъездом во Франкфурт неделю, ко мне в офис, как теперь принято называть кабинет, вошли несколько человек, в профессии которых сомневаться не приходилось.

Завели разговор издалека, трогая мои журналы, бумаги на столе, опираются о монитор.

– Как поживаете, Виктор Анатольевич? Завод не буксует?

– Поживаю отлично, чего желаю и вам.

Рожи, да и только. Их нарочно отбирают за страшноту или они уже в группировках своих такие отращивают? Может, им их выдают по разрядке, как у нас форменную одежду рабочим.

– Спасибо, на добром слове.

Садятся бесцеремонно, один мобилу на стол кладёт – сегодняшней символ «крутизны».

– Вы, похоже, человек неглупый, да, пан Директор?

Надо же, кто-то ещё помнит «Кабачок 13 стульев», кажется, те времена даже не с нами были.

– Наша фирма заинтересовалась вашим предприятием, мы хотим купить его.

Я откинулся на спинку своего дорогого, услужливо отклонившегося подо мной спиной кресла, сцепив пальцы на животе.

– Ни малейших планов на этот счёт мы не имеем, у нас вполне успешное дело, так что...

Они ухмыляются.

– Так в том-то всё и дело, пан директор. Зачем бы нашей фирме никому не нужный хлам. Нет-нет, мы именно потому и хотим купить ваше предприятие, что оно успешно и доходно.

– У нас акционерное общество, я ничего не решаю.

Ухмылки ещё шире и противнее:

– Вот и продайте контрольный пакет.

– У меня нет, контрольного пакета... – попытался я.

Они опять заухмылялись, наклоняясь надо мной, запахнулись полы пиджаков, по их собственной моде сшитых, и дух дорогого парфюма и густого пота ударил меня в нос, как кулак.

– Подумайте Виктор Анатольевич. С нами ссорится резону нет.

Оставили визитку: «Альянс-Инвест» и номер мобильного, кто бы сомневался...

Но об этих визитёрах я тут же и позабыл.

Но, как оказалось, зря. Они пришли ко мне снова опять, вскоре после приезда.

– Как решение? Что-то мы не дождались звонка, Виктор Анатольевич.

– Пожалуй, я вызову охрану, – сказал я.

– Не бойтесь? За семью, дом хороший, жена красавица, дочка институт заканчивает, хорошая девочка, не в пример многим, ни наркотиков, ни прочих глупостей... беречь надо... А вы дерзите. Нехорошо, пан директор. Даём ещё время подумать. Наша цена вас устроит.

И положили карточку с шестизначным числом и знаком доллара.

– Да вы что! – я рассмеялся. – Да завод стоит в тысячу раз больше!

– Это только ваша доля, если согласитесь подумать...

Я решил потянуть время и сделал вид, что стану думать.

Вот пристали. Но с людьми в Областной Думе поговорить об этом надо. Какой-то наезд ни дать, ни взять.

... так всё же Майя заканчивает институт. Вдруг страшно захотелось разузнать о ней всё. Тем более, что я могу это сделать, не раскрывая своего интереса перед Лидой или Татьяной Павловной. Мысль об этом так взволновала меня, что даже стало жарко.

– Ты чего сегодня раньше засобирался? – спросил я Илью.

– Так, в одно место надо, – как-то слишком уклончиво ответил он.

Я уже начинаю чувствовать себя слишком ревнивой супругой, всё чаще отговорки какие-то для меня находит.

– Опять Маюшку свою повезёшь куда?

Он только усмехнулся:

– Нет, сегодня, Евфимии надо в аптеке пропись заказать, аптек с производственными отделами всё меньше.

– На метро опять поедешь? Что ты как лузер всё на метро-то ездишь? Уже купил бы машину себе.

На это Илья только усмехнулся:

– В метро с девушками знакомиться сподручнее, – сказал он.

Я же говорю, всё какие-то отговорки, жонглирует словечками. Веселится без страсти, девок водит без желания. Только к работе и испытывает подлинный интерес.

– Толку что? – намекнул я, что все его знакомства дольше,

чем пару дней не длятся, или того меньше. Я хотя бы по паре недель встречаюсь, а то и по месяцу, бывает.

– А ты, я слышал, собрался опять на кафедру? Что это вдруг? – сказал Илья, снимая хирургическую изумрудного цвета пижаму.

– Мама сказала, пора жениться, вот пойду невесту поищу среди положительных студенток.

Илья захохотал. Ну, хоть какое-то оживление, а то весь устремлён уже сбежать побыстрее и от моих вопросов тоже.

– Ну-ну. Лучше попробуй в метро спуститься, – сказал Илья.

– По-моему, в метро одни бабки с тележками.

Илья смеялся, продолжая одеваться:

– Хватает, верно.

Джинсы опять с железяками, ну, хоть кроссовки, не ботинки и не сапоги. Берёт косуху.

– Жарко там, не надевай кожан свой. Уже на Армани перешёл бы, сколько можно?

– Вэл, я к твоему Армани не пристаю, не лезь к моему кожану.

Вот и поговорили.

– Василёк, женился бы что ли на мне, а?

Вот это да! В золотом свете, заполняющем всю комнату Майка похожа на солнечный зайчик, такая же пронзительно золотистая и весёлая.

– Ты как солнечный зайчик, – шурится она, улыбаясь.

– Что? – изумился я. – Что ты сказала?

Майка посмотрела удивлённо:

– Что... что ты солнечный зайчик.

– Это тоже... а перед этим... Ты серьёзно?

– Про зайчика? Серьёзно, конечно... – и засмеялась опять, – мой зайчонок, – принимаясь щекотать меня.

– Подожди ты, – я поймал её руки под одеялом, стиснув тонкие запястья легонько, чтобы остановить щекотку. – Ну не ерунди, Майка, ты сказала, поженимся?

– Нет. Я сказала: женись на мне.

Я приподнялся, чтобы лучше видеть её лицо. Улыбается мягко, не смеётся.

– И пойдёшь за меня?

– Так уж повёл бы, наконец, – она погладила меня по лицу, убирая волосы назад, потрогала колечко в ухе, любить его пальчиком шевелить.

– Тогда вставай, пойдём, – я поднялся.

– Куда пойдём? – Майка села, волосы скатились ей на грудь красиво.

– Как куда? В ЗАГС.

– С ума сошёл?

– Нет, паспорт-то здесь?

– Да здесь, в... это... в сумке.

– Давай-давай, завтракаем быстро и в ЗАГС.

– А если не работает? Там же не каждый день, – Майка

выбралась из-под одеяла, люблю смотреть на неё обнажённую, она как ожившая статуэтка.

– Вот и узнаем.

ЗАГС работал. И мы встали в очередь. Надо было заполнить чудное заявление одно на двоих, в конце указать какую фамилию присвоить супругам. Майка засмеялась:

– Давай сделаем двойную, тогда я буду Кошкина-Метелица!

Я захохотал, поддержанный Майкой, нас чуть не выгнали.

– А Метелицей будешь? – спросил я уже тихо, перестав смеяться, протянул руку к её лицу, очень хотелось коснуться.

Майка улыбнулась, приныкая щекой к моим пальцам.

– Буду, милый мой Метелица.

Но заявление – это оказалось не всё, надо ещё пойти в сберкассу оплатить пошлину. Какая-то смешная сумма в сто рублей, устаревшая, видимо ещё пару лет назад, когда Майкина стипендия была две тысячи, а сейчас 84000, ровно стоимость проездного и оплата общежития в месяц. Но, чтобы оплатить эти копейки...

– Вась, очередь из бабусь на три часа, – смутилась Майка, когда мы заглянули в первую сберкассу.

– Пошли в другую.

Мы обошли ещё две, но везде та же картина. Майка, явно устала:

– Слушай, давай, если сейчас вот в этой опять очередь или перерыв, то...

– Что замуж за меня не пойдёшь тогда?

– Ну, в другой день придём...

– Ладно. Давай.

Чудеса, в сберкассе не оказалось никого. Мы переглянулись с Майкой, не улыбнуться невозможно.

Нам назначили свадьбу на восьмое августа, через два дня после Васиного дня рождения. Мы вышли из загса с бумажной-приглашением и посмотрели друг на друга:

– Кого звать-то будем? Кроме Ивана Генриховича и Ю-Ю?

Действительно вопрос: мы ни с кем не общались все эти годы, со Славкой только.

– Ты знаешь... Я тогда... Ну... В-общем, я ходила тогда домой...

– Домой? – дрогнул я. Вот и получилось, что я всё же на директорской дочке женюсь.

– Может, маму и бабушку... Они приглашали в гости с тобой. Только... папа, он... Но мама и бабушка будут рады.

Она смутилась немного, поэтому мне захотелось успокоить её:

– Знаешь, я отца никогда не имел, ты теперь без отца, ничего как-нибудь выживем?... – сказал я.

Мы вернулись домой усталые и голодные: целый день потратили на то, чтобы заявление подать. Во, как жениться захотелось!

А дома мне пришла мысль, как нам увидеться с мамой и

бабушкой и не ходить туда в тот странный раззолоченный дом.

– Пригласим их к нам?! – предложила я.

Вася улыбнулся смущённо, но и облегчённо. И мы пригласили маму и бабушку на ближайшие выходные. А мне ещё предстоит последний экзамен послезавтра.

Я почти не готовилась, уверенная в себе и своих знаниях. Да и кто получает «пары» на выпускных «госах»? И мне, конечно, поставили «отлично», поздравив напоследок. И стало грустно.

Ужасно грустно, только сейчас осознала, что это всё – институт кончился.

– Майя, едем со всеми в центр, – Слава подошёл ко мне.

Я обернулась, в группе я дружила только с ним, но остальные ребята были мне не близки, но приятны и отношения в группе всегда были хорошими, все остальные, кроме нас со Славкой – москвичи, сытые домашние детки, только мы мотались по электричкам, жили в общежитии. Хотя Славка тоже почти москвич, он только желая сохранять свою независимость и свободу и жил в общежитии, а так вполне мог бы жить с отцом. Мама его вышла замуж и год назад уехала с этим мужем жить в Швецию. Но зато у отца вот-вот родится ребёнок в новой семье. Вот такие интересные события происходили с этими страпёрами.

У самого Славки, который стал теперь очень симпатичным парнем, не тем тщедушным мальчиком, с припухшими

веками и любопытным носом, что провожал меня из школы иногда, девушек было немало. Девушки очень лояльны к нему. У него были две или три более или менее постоянные привязанности за все шесть лет института, но они пока закончились, по крайней мере, он не рассказывал мне довольно давно о своих девушках, а то имел обыкновение.

Мне нравится то, что мы можем общаться с ним вот так, как друзья или даже подружки, рассказывая друг другу то, что не расскажешь своим «половинам». Он рассказывал о девушках то, что ему не нравилось в них, просил поговорить даже, что я и делала для него, не знаю с хорошим результатом или нет. И о том, как влюблялся, что в каждой из его пассий есть прекрасного и неповторимого. Это ещё и потому нравится мне, что всегда интересно вот так увидеть мир как видят его мужчины. Ну, хотя бы попытаться...

– И куда в центр? – спросила я.

Мы договаривались с Ю-Ю, что он отвезёт меня домой, но я обещала позвонить, потому что о времени мы не договорились. Вот только, чтобы позвонить надо еще карточку эту дурацкую надо где-то купить для таксофона.

– В клуб на Монетчиковский, но сначала в центр в Макдональдс, поедим и может по бульвару прошвырнёмся... шас пока всё равно рано.

Надо сказать, ни разу я в клубах не была, как-то не пришлось. Я нечасто в Москве-то оставалась ночевать, что говорить о том, чтобы я пошла в клуб. Но сегодня последний

день с группой, вряд ли мы станем много общаться после института, если пока учились не слишком тяготели друг к другу. Поэтому я согласилась.

Маюшка позвонила, чтобы предупредить, что поехала с одноклассниками в какой-то клуб, я толком не понял, в какой, понял только одно, что мне на сегодня – отставка.

– Не волнуйся, Ю-Ю, я в общежитие ночевать поеду. Завтра позвоню.

Завтра так завтра. Займусь тогда сегодня отложенными монографиями, всё никак не прочту.

Уединение мне необходимо временами. Только Маюшка, как и прежде никогда не вытягивает энергию из меня, напротив – подпитывает.

А вот от всех остальных требуется спрятаться иногда. И от Юргенса тоже. Мне давно кажется, что он старается слишком приблизится ко мне, почти нарушая моё личное пространство, в которое я с детства могу впустить только одного человека.

Такой я, оказался, одиночка. Люди мешали мне, утомляли, я могу любить их очень дозированно, работа ли, требующая подлинного душевного участия и сочувствия, или иные причины привели меня к этому, я не знаю. Юргенс же любил общество, я тоже не чуждался компаний и развлечений, и люблю быть в центре внимания, забывая своё одиночество на это время, но мне это всё требовалось гораздо меньше,

я понял, что должен найти убежище для себя. Убежище, известное и доступное только одному человеку. Поэтому я давно уже коплю деньги на квартиру.

Майка не приехала сегодня после экзамена. Позвонила уже вечером из какого-то шума, я едва мог слышать её голос, вынырывающий из грохота музыки и голосов, а она меня, по моему, не слышала вовсе.

– Вася, сегодня не жди, я тут с ребятами, последний вечер, получается загул!.. Не волнуйся, завтра приеду!.. Слышишь? Вася?.. – я даже представляю сейчас её лицо, когда она прислушивается к тому, что я могу сказать, пытаюсь вся обратиться в слух. Я ответил, но она не слышала.

Сегодня я сказал Ивану Генриховичу, что мы решили пожениться. Он моргнул почти лишёнными ресниц блёклыми глазами, и снял даже очки, будто протереть, но мне показалось, там мелькнула слеза:

– Так... Это хорошо, очень хорошо, Василий, – он «почесал» глаз, пряча как ему, наверное, кажется, свидетельство слабости. – Я давно ждал. Хорошо. Ребёнок будет?

– Мы не поэтому. Просто... просто, потому что... – я не хочу словами называть то, почему мы женимся.

– Не подбирай слов, я всё понимаю.

А дальше мы взялись с ним обсудить то, где провести торжество и как. Мы с Майкой не сговариваясь решили, что большой праздник устраивать не будем, но каким будет ма-

ленький, пока окончательно не решено.

И Иван Генрихович предложил поехать на пикник. Лето, все молодые люди.

– Исключая меня, конечно, старого гриба, но и я вполне способен оценить прелесть удовольствия завтрака на траве. А?

Мне понравилась эта идея. Оставалось продумать бюджет нашего праздника. Деньги я как мог копил, покупая доллары на все свои «зачачки».

Я проснулась от неприятного чувства вертящейся дурноты. Открыла глаза, «вертолёт» постепенно снизил скорость и приземлился. Я знаю, что такое похмелье, в моей жизни это происходило несколько раз. С Ю-Ю парочку, и с Васей мы тоже пару-тройку раз набирались изрядно. Вот и теперь... Только... где я?

Я пытаюсь понять, что это за потолок, состоящий из двух, нет, трёх плохо подогнанных бетонных плит, как в моей комнате в общежитии. Но это другие плиты, незнакомые. Повернуть голову удалось не сразу, так ужасно меня мутит.

– Приветик, – Славкин голос вполне бодрый и даже весёлый.

И где сам Славка? Славка... значит его комната... и я что, спала в его комнате? Вот это в первый раз, чтобы я не помнила, где я заснула и почему... я пошевелилась немного, пытаюсь понять в одежде я или нет.

– Да не бойсь, всё твоё при тебе, – засмеялся Славка. – Я может и мечтал бы воспользоваться, но, чтобы ты хоть что-то осознала, а не так как вчера... Пить ты совсем не умеешь, Майя Кошкина.

Это верно. Во-первых, не умею, во-вторых, на меня действует сразу и слишком сильно. Поэтому не очень и люблю, а все думают, я выпендриваюсь.

Вот и Славка, появился в поле моего зрения... смеётся, вихры лохматые, тоже недавно встал, волосы мокрые у лица, умылся только что.

– Я кофе сварю?

– Ой, не говори про кофе, – взмолилась я, чувствуя, как меня затошнило от одного воспоминания о его вкусе.

А в следующее мгновенье я побежала в ванную блевать, пугая его соседа по блоку, который шарахнулся от меня как от привидения.

В-общем, я проболела целый день, не в силах не только поехать домой, но даже выйти из Славкиной комнаты и дойти хотя бы до своей. Но оно и лучше. Славкины соседи по комнате уже уехали, а мои соседки все ещё были здесь и их суета, подготовка к экзаменам не сочеталась бы с моим смертельным похмельем.

А Славка оказался настоящим другом, очень нежно ухаживал за мной, дурой, и даже согласился спуститься на вахту и позвонить Васе, сказать, что я не приеду сегодня домой.

Глава 3. Тайны и открытия

Прийти к Маюше в гости, в тот дом, где она прожила уже шесть лет, нимало не нуждаясь в нас, волнительно и даже рискованно, мы с мамой придумали, что идём вместе к её многолетней приятельнице на день рождения, чтобы не вызвать недовольства у Виктора. Не представляю, что бы он сказал, узнав, что мы пошли в гости к Маюшке.

Мне понравилось здесь, эта квартира в старом сталинском доме на четвёртом этаже, она была маленькой и даже тесной по сравнению с нашим домом, даже с прежним. Но хозяйева, а я подозреваю, что именно Майя, так разумно организовала всё это пространство, что казалось, что здесь места больше, чем у нас. Вася оказался красивый парень, смущался нас, но это только ещё украшало его. Мама-то хорошо его знала и то сказал потом, что он повзрослел со школы и стал «ещё интереснее», как она выразилась.

И сосед их, как оказалось, приёмный Васин отец был на первый взгляд старый и скучный, после стало ясно, что первое впечатление ошибочно. Он с обожанием смотрел на детей, и старался понравиться нам.

Мы готовы были расспрашивать их о работе, о планах и прочем, но дети огорошили нас объявлением о том, что намерены пожениться.

– Лидия Леонидовна, Татьяна Павловна, я прошу вас от-

дать за меня вашу Майю, – сказал Василий.

Мы с мамой, вздрогнув, переглянулись, и, думаю, нам обоим пришла одна и та же мысль: отец должен принимать эти слова, не мы...

– Так вы... Ох ты... во это да... – неуклюже проговорила я.

Я узнал о планах Маюшки и Васи от мамы. Она позвонила мне сама и рассказывая о чём-то, потом вскользь упомянула об этом. Вскользь, потому что была уверена, что я знаю, что я-то не могу не знать, если это знает она...

Это было в день выборов. В результате, я позабыл о том, что надо выйти из дома и проголосовать. Да и так не пошёл бы, должно быть...

Что я почувствовал? Одиночество. Странно, ведь Маюшка оставила меня ради Васи так давно, так давно, что в это не верилось: ещё Советский Союз был цел и никто не мог подумать, что через шесть лет мы будем жить не при Советской власти, а в царстве олигархов. Вот как давно это было. Почему же я только сейчас вдруг осознал это?

И почему я чувствовал то, что заставило меня сорваться и сказать Маюшке то, что я сказал на той лестнице? Как может быть и то, и вот это – её решение выйти за него.

Вот ничего странного нет, всё к этому шло, и я это знал, но почему сейчас вот такое потрясение? Потому что не мне первому она сказала об этом? Потому что даже мама не со-

мневалась, что я уже знаю...

Май, как же мне понять это? Что ты хочешь отставить меня? По-настоящему теперь. И показать это? Но как больно ты решила это сделать. Рассчитывала именно так? Хотела именно так? Ведь не осталась со мной ни разу наедине с того дня, как произошёл тот разговор. Да что наедине, после того как пришла тогда на Труда, я вообще её не видел.

Уехать надо куда-то, уехать, напиться, забыться как-то... Вот чёрт, когда это кончится!

– Ты куда пропал-то? – Юргенс поравнялся со мной, когда мы вышли с планёрки. – Я уж думал, бастуешь как шахтёры. Или ещё хуже, где-нибудь в троллейбусах этих взорвался.

– Очень смешно! – укорил я его неуместной шуткой над несколькими терактами, произошедшим на днях, мы так привыкли к этому бедствию, что и шутить люди не стесняются. И всё же... Интересно было бы посмотреть на него, если бы там был тот, кто ему дорог. Но кто ему дорог, Господи...

– Да ладно тебе. Что случилось-то, отощал даже. Где был? В М-ске своём прекрасном?

– Нет, в Сочи ездил.

– Один?

– Кто ж один в Сочи ездит, – ответил я, почти зло, потому что, конечно, брал с собой Яну, девушку, с которой познакомился в тот самый ужасный для меня день третьего июля, когда я узнал о предстоящей свадьбе Маюшки, а Ельцин вы-

играл эти дурацкие выборы.

– И как она?

– Кошмар, как и обычно, – ответил я.

Юргенс захохотал, хлопнув меня по плечу.

– Ладно, не тоскуй. Я тебя познакомлю, я тут с одной близняшкой познакомился. Тебе одна близняшка, мне другая, прикольно, а?

Я согласился, чего уж, хоть близняшки, хоть сикарашки, лишь бы не думать... И мы оправались на свои приёмы. Здесь мы ведём приём амбулаторных пациенток, которых потом берем для дальнейшего ведения, в некоторых случаях достаточно медикаментозной терапии, некоторым просто психотерапии и витаминов, другим гормонов, третьим – ЭКО.

Я прицельно занимаюсь проблемами бесплодия, Юргенс – нет, его эти вопросы не вдохновляют как меня. Он отличный хирург, кстати, но душевно он в своих пациентах старается участвовать по минимуму, столько, сколько необходимо. Он хирург от Бога, но для него искусство ради искусства. Он оперирует не человека, он создаёт почти ювелирное произведение. Но, может быть где-то это вернее. Я же, оперируя каждую мою пациентку, мысленно вижу её лицо, глаза перед собой, я помню её историю и даже её имя, фамилию – реже. Все эти женщины, что были у меня на столе, ближе и милее моему сердцу тех, кто были со мной в постели, вот такой поразительный парадокс. Хотя я знаю, что и у Юргенса так.

– Илья Леонидыч, вас к телефону.

Надеясь, что это не Яна, которой я, между прочим, этот номер не давал, я взял трубку.

– Ю-Ю... Господи, слава Богу! Я тут... как же ты, куда пропал? Я чуть...

– Я замуж почти вышел, – ответил я.

От одного её голоса у меня сдавило горло, что ещё? Что тебе ещё, Май, ты оставь тогда меня... только совсем. Чтобы я и думать не мог о тебе. Но как не думать? Мозг себе смолой залить что ли?..

– Ты... обиделся? Прости меня, я хотела по-другому, но...

– Не надо, кукла, сделала как сделала, – сказал я, понимая, что если действительно, она перестанет общаться со мной, я... я даже не знаю, что я тогда... – Ты... заявление в ординатуру подала?

– Завтра хочу приехать. Ты...

Увидеть! Увидеть тебя!..

– Ты платье-то купила к торжеству?.. – спросил я. – Или я не приглашён?

– Ю-Ю, ну прости ты меня, я в клубе этом напилась, а тут выходные уже и... ну, в общем... Где ты был-то?

– Не имеет значения, Май. Я сегодня дежурю, а завтра давай приезжай со своим заявлением, после на Якиманке сходим в свадебный салон. Купим платье тебе.

– Ю-Юша...

– Ладно, Май, без соплей, завтра в четыре на Октябрьской

тебя жду.

И я с нетерпением стал ждать завтрашнего дня.

И я ждала с нетерпением. Я так огорчилась, что не смогла правильно и так, как намеревалась сообщить Ю-Ю о нашей с Васей свадьбе, конечно, он обиделся. Конечно он...

Конечно... Попробовал бы он так поступить с тобой хоть раз, что было бы? Не знаю, вены вскрыла бы тогда...

Что тогда я делаю теперь? Почему во мне будто два человека? Один цельный, чистый и красивый, другой, какой-то корявый урод? И самое худшее то, что они перетекают один в другого...

Бессонная ночь только обостряет восприятие мира, обостряет чувства и ощущения. Я почти месяц не видел Маюшку. Даже мой день рождения я провёл впервые без её подарка. Яне, что была со мной в тот день, я не сказал, что у меня торжество, чтобы избежать её глупых восторгов и сюсюканья, к которому она оказалась склонна.

Поэтому, когда я подъехал к выходу с Октябрьской, мне казалось, шум улицы, люди, снующие вокруг, их шаги и голоса, всё это имеет ещё эхо и звуковое, и зрительное. И только когда Маюшка появилась в коротком красном сарафанчике, этот эффект, который бывает на грани засыпания, исчез: сердце тукнуло, адреналин и окситоцин огненной волной шарахнули в мою кровь, разбегаясь по артериям живи-

тельным жаром. Улыбается, очки солнечные сняла, волосы волнами по плечам, тёмные, но вспыхнули золотом на солнце, будто оно пальцы погрузило в них, на ножках тонюсенькие какие-то босоножки почти на плоском ходу, платьишко это... скоро все начнут её за мою дочку принимать...

– Ну уж, конечно! – засмеялась Маюшка, легонько чмокнув меня. – Привет.

Но серьги из тех, что я дарил ей ещё когда-то, кольца, усыпанные мелким бриллиантовым песком. Казалось бы, куда такие серьги с этим простым сарафанчиком, но смотрится так, будто это и задумывалось.

Она рассказывает мне, что планируют своего рода пикник на природе, что придут мама и бабушка, их сосед, и Слава Максимов.

– Что ж, ни одной подружки?

– Славка – моя подружка, – сказала Маюшка.

– Ну да, конечно, если у человека есть член, он не может быть подружкой, – усмехнулся я. Хорошо, что хоть я – не подружка. – А чего пикник, как босяки?

– Ты хочешь ресторанные котлеты или кур есть? Марь Иванна приготовит...

– Марь Иванна? – перебил я, смеясь, обнимая её за плечи. – Настоящие босяки. Ну и хорошо.

– Не слишком пафосный бутик для босяков? – обернувшись, спросила Маюшка, робея перед входом в большое чёрно-зеркальное здание.

– Смелее, ты же принцесса.

Внутри приятно пахнет специальным парфюмом, играет Ace of Base «Beautiful Life», к нам подошла дежурно улыбающаяся девушка с чётко выверенным лаковым каре и тщательным макияжем, предлагая свою помощь.

– Нам нужно платье в духе вот этого легковесного сарафана, – сказал я, – ну и всё остальное, что полагается. Включая бельё и туфли. У вас имеется?

– Несомненно.

– Да, насчёт туфель, свадьба предполагается на природе, поэтому без каблучков, может быть... – сказала Маюшка.

Девушка приподняла брови, немного удивлённо, но потом кивнула и повела Маюшку в «кулисы», где таились примерочные, а меня оставили в забранном в бархат зале, на велюровом диване, но ненадолго, та же девушка явилась и принесла шампанского, бутик есть бутик. И спросила:

– На какую сумму рассчитывать?

– Практически на любую, – смело сказал я, и подумал, что хорошо, что я отлично ориентируюсь в ценах в такого рода магазинах, не свадебных, разумеется, но пафосных и дорогих, поэтому заставить меня врасплах этим невозможно.

– Желаете взглянуть на образцы белья и туфель?

– Желая. Но образцы туфель обсудите с невестой, а вот бельё я выберу. И не только свадебный комплект. Шёлк и кружево.

– Чулки, пояс?

– Непременно.

– Для вас костюм будем подбирать?

– Я – не жених, увы, я только дядюшка невесты.

– О, такой молодой дядя! – лицо девицы осветилось платной улыбкой.

Мне прислали другую девушку, не ту, что встречала нас. Она оглядела меня с ног до головы, хмыкнула странно накрашенным ртом: в середине красным, с краёв почти чёрным, пирсинг в губе и в брови. Да, это не пафосная приглашенная девочка, с этой мне проще найти общий язык.

– Мне сказали у вас на природе будет торжество, что это, дом, или берег моря? – почти строго спросила она.

Но я рассмеялась:

– Да нет, обычный человеческий пикник на семь человек. Мне надо, чтобы платье сочеталось например... с кедами. В общем, с какими-нибудь тапками.

Девица взглянула внимательнее мне в лицо и повеселела.

– Я – Ульяна, – кивнула она, – а вас как можно называть?

– Майя.

– Тоже хреново, – ответила она и мне это показалось забавно и симпатично.

Я разглядела и выщипанные в нити брови, и нарочито небрежно взбудораженные короткие чёрные волосы.

– Вот что, Майя, какую музыку ты слушала на этой неделе? Из новинок?

Вот это правильный вопрос, музыкальные предпочтения,

как тропинка, по которой мы идём.

– «Until it sleep» Metallica, – сказала я, именно новый диск играл в моём плеере по дороге на «Октябрьскую».

Ульяна просияла:

– Врёшь!

Я приоткрыла сумочку, в которой был плеер и открыла крышку, диск с рыжим локтем, хотя может это не локоть никакой?.. но мне казался локтем.

– Ну, Майя, всё ясно, будет тебе лучшее платье на земле для твоей свадьбы! А я-то думала, ты из этих теперешних цыпочек с их папиками и Сташевским.

Я засмеялась, а она уже испарилась, чтобы появиться через несколько минут уже с несколькими платьями.

Уже первое было чудесно: пышная юбка, отделанная шитьём по подолу, до середины икры, рукава-фонарики пышные ниже локтя,

– Вот и кеды, – сказала Ульяна, поставив передо мной кружевные кедрики, похожие на тапочки для спортивной принцессы. – Есть ещё ковбойские сапоги и туфельки. Я принесу, а ты примеряй.

Ю-Ю не с улыбкой, а супер-улыбкой смотрел на меня, когда я вышла к нему. Вокруг него разложены раскрытые коробки с комплектами белья, всегда любил мне бельё дарить.

– На головку можно вот эту шляпку...

Белая соломенная шляпка с цветами подходила прекрасно и очень к лицу Маюшке, мне интересно, скажет она то,

что подумал я.

– Очень красиво, просто чудесно, но... это совсем не я, – сказала она. А я счастлив, именно эти слова были у меня в голове.

Следующий выход уже почти то, что надо: платье из кружева с открытыми хрупкими плечами, очень простое и очень красивое, сексуальное даже, в таком по траве босиком...

Мы с Маюшкой посмотрели друг на друга, и она пошла переодеваться. И вот только четвёртым было именно то, что должно было быть: короткое до колен, простой лиф, круглый воротничок, маленькие рукавчики, пояс – атласная лента. К нему и туфли с милыми детскими ремешками на плоских каблуках. И на выбор: маленькая фата или простой венок ободком. Мне больше понравился венок. Но я молчал, опять ожидая выбора моей Маюшки. Она выбрала веночек.

Большущая коробка, перевязанная атласной лентой, к ней ещё несколько с туфельками и украшением на голову, а остальные с бельём.

– Не много ты белья-то накупил?

– Опьянел тут от шампанского ихнего вот и позволил себе, разгулялся. Не переживай, платье твоё хоть и Шанель, оказалось, между прочим, но не разорило меня как я надеялся, – сказал я.

– Шанель – это хорошо, – засмеялась Маюшка. – Там ещё чёрный пояс был, но я подумала, что для мамы с бабушкой будет слишком революционно.

Я улыбнулся, посмотрев на неё:

– Ты сама теперь о них так много думаешь... Скучала, выходит?

– Выходит... – Маюшка чуть-чуть улыбнулась, опуская ресницы.

Я сгрёб коробки в свои руки, потом подумал и сказал девицам:

– А можно я всё это заберу на днях, а то у нас сегодня ещё мероприятия запланированы?

Они рады исполнить любое наше желание, покупка оплачена, а дальше можешь делать с ней, что угодно.

– Какие это у нас мероприятия? – удивилась Маюшка, когда мы вышли в пыльное тепло улицы из душистой прохлады магазина.

– На экскурсию тебя хочу сводить. Прогуляемся от Китай-города до Таганки. В «Иллюзион», может, ходим. Поехали?

Она улыбнулась:

– Надеюсь, в театр не пойдём?

– Не любишь театр?

– Неприлично не любить театр. Люблю, но... меня очень редко там захватывает. Ужасно?

– Надо на хороших актёров и режиссёра сходить, тогда захватит. И скучно не будет. Шесть лет в Москве, так и не сходила на хорошее представление, я говорил, а ты всё в М-ск сливалась. Привезла бы и Васю своего на какой-нибудь

спектакль.

Маюшка надела солнечные очки, скорчила рожицу, вроде: «не учите меня жить, парниша!». Мы быстро доехали до Таганской. Длиннющий эскалатор стояли то я впереди, то она. Когда она стояла передо мной, я не мог удержаться, чтобы не сжать легонько её плечи в ладонях. Маюшка только погладила мои пальцы рукой, не оборачиваясь. И сама легонько кладёт свои пальчики мне на плечи, когда я стою перед ней. Я обернулся, она улыбнулась, смотрит из-под ресниц. Погладила меня по щеке. Вот она и вот я, но мы разделены. Этой сегодняшней примеркой больше, чем её словами шестилетней давности.

Мы болтались по улочкам и переулкам вокруг Таганской, чтобы потом спустится к Котельнической, перейти Москва-реку и до Павелецкой.

Тут, на Таганке, множество красивых домов, правда, запущенных и пыльных, но это как обедневшие и постаревшие красавицы, как моя Марья Сергеевна, хоть и вековая старушенция, а всё равно хранит красоту.

В этих переулках целоваться бы сейчас...

– Какие красивые дома, Ю-Ю, модерн что ли? – сказала Маюшка, обернувшись.

– Или подражание модерну.

– Вот представляешь, эта эпоха, я имею в виду модерн, продлилась-то какие-то пять лет, а оставила такой значительный и неповторимый след. Неповторимой красоты и

изящества.

– Любишь этот стиль? – улыбнулся я, не в силах перестать думать о том, как мне хочется её поцеловать.

– Он завораживает, кажется, надо быть человеком особенного какого-то химического состава, чтобы вот так видеть мир.

– Кокаин употреблять регулярно, – усмехнулся я.

– Ну... наверное. Что ж, они там в Серебряном веке все любили это...

– Как импрессионисты – абсент.

– Ох и хитрюга ты, Илюшка... Завлѣк на экскурсию.

– А что делать, – улыбается, глаза стали совсем светлыми, искрятся. – Чем-то отвлечь тебя, чтобы кроме свадьбы думать. Надо ещё на «Золото Шлимана» в Пушкинский сходить. Теперь поедem, поедим куда-нибудь? Или пойдѣм к набережной как собирались?

– В «Русское бистро» пошли, пирожков с печенкой хочу, – сказала я. – И чаю сладкого!

Глава 4. 8. 08

Что может быть волнительнее, чем выдавать замуж дочь? Ничего другого, сравнимого с этим я не помню. Даже моя собственная свадьба не вызывала во мне столько эмоций. Тревога, жалость, что последние годы мы провели не вместе, раскаяние в том, что когда-то я не нашла в себе достаточно мудрости, доброты и душевных сил, чтобы понять её и встать на её сторону.

Мне не хватило тогда любви к ней. Может быть, я вообще обделена этим даром? Не хочется так думать, очень страшно так думать, но эти мысли невольно приходят мне в голову все эти годы, когда я вспоминаю о том, что было тогда и понимаю, что не могла и снова бы не смогла поступать иначе, чем тогда.

Мне была непонятна их с Ильёй связь и близость. А может быть зависть к таким отношениям владела мной, я не знаю. Я привыкла, что любят меня. Я всегда хотела, чтобы любили меня, но сама... что я сама? Хотя бы отражаю свет?

– Как считаешь, Лида, достаточно подарка, что мы приготовили? Может быть надо было какое-нибудь... не знаю, постельное бельё?

– Мам, сервиз ещё придумай. Тысячу долларов дарим, десятая часть однокомнатной квартиры по теперешним временам.

– Ну, а памятное что-то? Ведь свадьба, не обычный день рождения. К тому же, согласишься, для нас эта свадьба разве не радость из радостей? Что хоть с Илюшкой отлипли друг от друга.

Я посмотрела на маму:

– Ты сама-то в это веришь? Отлипли... Не расстаются все эти годы...

– Не надо, Лида, они всегда были дружны. И близки.

– Это точно, ближе некуда, – не могу не съязвить я. Мама только поморщилась.

Поэтому, наверное, мне так тревожно в солнечный день 8-го августа. Я чувствую что-то, чего не хочет замечать мама. Я чувствую эти нити между Майей и Ильёй. Эти нити как паутина опутывают их обоих, и не в отдельные коконы, увы, нет, в один, единый кокон. И это странное чувство. Потому что когда я видела её с Васей – то же было и с ним: они одно целое. Она даже разная внешне с одним и с другим, вот что удивительно. С Васей, вроде как рыжеватая становится, прозрачная, вся солнечная и радостная, как весна, поляна одуванчиков. А с Ильёй... спокойная, сильная, тёплая, как река. Синяя... И кто она на самом деле? Она сама это знает? Может быть, надо было поговорить с ней?

– Маюша, – я взялась сделать ей причёску под её чудесный венок. И платье волшебной прелести, я бы не догадалась выбрать именно такое. – Ты... не беременная?

– Нет, мамочка, – Майя улыбнулась мне в зеркале, подняв

глаза на меня. – Под это платье, конечно, наверное, стрижка пошла бы как у Одри Хепберн в «Как украсть миллион», а?

– Не волнуйся я сделаю в стиле, именно как ты представляешь. Милый детско-юношеский пучок на затылке, – улыбнулась я, поднимая её чудесные волосы расчёской повыше. Они совсем не такие как мои: мягкие и волнистые, тёмные, но блестят при этом чудесным золотистым блеском и льются как молодой мёд по моим рукам. Вообще Майя, конечно, образец чистойшей прелести, из тех самых, пушкинских... – Скажи мне, что у вас с Ильёй?

Майя побледнела немного, и нахмурилась, не глядя на меня:

– То есть как? Что у нас, если я выхожу за Васю?

– А... ты уверена в своём решении?

– Тебе кажется, что... что я... что Вася... что мы...

– Как раз мне ничего не кажется, только для меня очевидно, что вы с Ильёй очень близки. Правильно ли в таком случае морочить такого славного парня как Вася? Если бы ты по расчёту за старого чёрта выходила, я и слова не сказала бы, а Вася, он... Ты его любишь? Как ты сама понимаешь? Вот так как Илью, тогда? Так же?

Майя обернулась и посмотрела уже не в зеркале потемневшими глазами:

– Ты что, мама?

– Не вертись, на боку получится, – сказала я, почему-то испугавшись её взгляда.

И Майя опустила глаза, поворачиваясь обратно к зеркалу:
– Ничего, сейчас модно.

Я решил сделать Маюшке неожиданный сюрприз, договорился с нашими рокерами, которые теперь всё больше начинают называться байкерами на американский манер, чтобы прокатить её, нашу рокерскую невесту по городу по дороге в ЗАГС. Все наши М-ские рокеры согласились с большой радостью.

– Поедем медленно по городу, день будний, много не соберётся...

– Что не соберётся, смеёшься, ты что думаешь, тут все как раньше на работу каждый день ходят? – усмехнулся Неро. – Вон челноками половина, другая половина в Москву вашу катается примерно с теми же делами. Так что отлично смогут все, кто пожелает.

– И как челноками? – немного растерянно спросил я, я и не знал, что так изменилась тут жизнь за эти годы. Не интересовался как-то, а на наших тусовках об этом не говорили.

– С новым указом о налоге на наш нехитрый бизнес, боюсь, протянем ноги. Что-то другое придётся искать. Только-только начал подкапливать деньги. То бандюкам отдай, то властям за хорошее место... Нанял пару тёток, чтобы на рынке стояли, так и их придётся уволить. Впору как шахтёрам начинать бастовать, только вот за что, чтобы налог не вводили?.. – грустно усмехнулся Неро. Я и не слышал ни про

какой новый указ... – На завод пойду к твоему зятю, может возьмут.

И вот утром 8-го августа мы подъехали к дому Васи. Маюшку повезу я, Васю – Неро. А остальные с букетами покажут. Мы даже шлемов не надевали. Я заранее привёз в ЗАГС два ящика шампанского и пива, чтобы угостить наших друзей и отпустить после церемонии восвояси, а мы отправимся на заказанном микроавтобусе за город, все, кроме меня, я верного Харлея на автобус не променяю.

– Пора, невеста! Вон, рокочук, кортеж наш приехал. Как у Маликова, помнишь? «...весел и свеж, брачный летит кортеж»? – сказал я, не открывая дверь.

Майка вышла ко мне из комнаты, где переодевалась в тайно хранимое от меня платье в большой белой коробке с чёрными буквами «Chanel». Мог я не заглянуть за те две недели, что оно провело у нас в комнате? Мало того, его привезли, когда я был один дома, так ещё и не рассмотреть? Я не разглядывал, конечно, но крышку открыл и посмотрел на чудесное нежное платьице с пуговками на лифе, милым воротничком, я коснулся шелковистой ткани... как приятно, как волнующе и как ласкает мое самолюбие то, что она для меня, для меня! наденет это. Слово «Шанель» и для меня не было пустым звуком, и я догадывался как дорого оно может стоить. Вернее, предполагал.

Но одно дело заглянуть в коробку и совсем другое – увидеть его на ней. То есть её в нём.

– Майка... – только и проговорил я, обомлевший от чудесной девушки, что соглашается стать моей женой. Неужели это не сон и это та самая Майка, Майка, с которой я когда-то одиннадцать лет назад сел за парту, чтобы навсегда прилипнуть к ней всей душой?

Она улыбнулась смущённо, и смотрит на меня, будто спрашивает: тебе нравится?

– Какая ты... красивая...

– И ты...

Я говорю правду: белоснежная рубашка и джинсы – вот и весь жениховский наряд моего дорогого Васи, если не считать белый букет роз, что он едва на выронил из ослабевшей руки, увидев меня.

– Неужели ты правда выйдешь за меня замуж?

Вместо ответа я его обняла, прижавшись к нему, тёплому, под этой рубашкой, стройному и гибкому, он обнял меня одной рукой, боясь второй, с букетом, память мой наряд...

Как искрятся твои глаза.

В них неба свет и чистой воды глубина.

Как светит твоя улыбка,

Я теплее не знаю в этом мире лучей.

Смотри на меня, не отводи твоих глаз.

Смотри на меня, я боюсь оторваться

Я боюсь потеряться во тьме,

А она подступает ко мне.

Со всех сторон подступает ко мне.

Как светит солнце в этот день.

Почти как твоё лицо.

Нет ничего яснее того, что есть во мне и тебе.

Но почему я чувствую прикосновения тьмы?

Её объятия, она липнет ко мне?

Или это не тьма, а иной свет?

Тот, что вижу только я и не видит никто?

нет и нет!

Нет и нет!

Я закрываюсь от него столько лет!

Нет и нет!

Но он пронзил все покровы и нашёл меня этот свет...

Нет и нет!

Нет и нет!..

Я боюсь его или саму себя?

Где ответ?

Где мой путь?

Или пути вовсе нет?..

Наша рокерская банда криками встретила жениха и невесту, вышедших рука об руку из подъезда. Эта обшарпанная дверь и шербоатое крыльцо недостойны таких эльфоподобных существ, что появились на его фоне.

– Ура, молодым!

– Ура, Малая!

– Ура жениху!

Посигналили в клаксоны, пугая кошек, брызнувших на деревья, и старух, начавших чертыхаться на нас.

Маюшка, смеясь, села бочком на сиденье позади меня. А Вася за спину Неро, я помолился про себя, чтобы, не дай Бог, ничего не произошло по дороге. Как бы старательно не уговаривал я себя, как бы не отвлекал свои мысли всеми доступными мне средствами от алкоголя до потока женщин, но не думать о том, что Маюшка выйдет сегодня за Васю и мне навсегда будет отрезана дорога к ней, кто другой, любой другой муж, но он – это навсегда и по-настоящему в истинных традициях русской жизни...

Странно, что только теперь я стал так думать и чувствовать, будто она не сделала выбора ещё шесть лет назад. Мне духу не хватило тогда расстаться с ней. Это я так думал, что не надеюсь, что у них всё закончится, не жду в засаде, а на деле?

Вот поэтому сейчас, чувствуя судороги отчаяния в моей душе, я содрогаюсь и от страха, что может что-то случится с Васей из-за того, что я хочу, чтобы его вообще никогда не было на земле...

Вот её тонкая рука, её ладонь на моём животе, она почти не прижимается ко мне, уверенно чувствует себя в седле, или не хочет мять платье, или просто не хочет плотнее обнять меня? Маюшка, я везу тебя в ЗАГС, чтобы отдать твоему Васе, тому, кого ты любишь больше меня... Больше меня...

Но, может ударить по газам и увезти тебя отсюда? Увезти от всех наконец-то. Почему я давно не сделал этого? Чего я ждал и жду столько лет?..

Я знаю чего. Чтобы она выбрала меня...

Невозможно. Глупо, наивно, неправдоподобно и неправильно. Я, оказался романтик и сентиментальный советский мальчишка, а не современный молодой мужчина, гражданин новой России.

Этот рокерский кортеж, который я никак не ожидал увидеть, произвёл впечатление. Совершенно необыкновенное. Нежная камелия, какой я знаю Майю и какой она и приехала позади своего дяди, брутального красавца, как сейчас принято говорить, в окружении других таких же мачо, на ревущих железяках, вооружённых букетами роз и гладиолусов – это незабываемое зрелище. И Метла среди них вроде и не свой, но и не чуждый, не теряется, улыбается самой светлой улыбкой, какие я только мог видеть в своей жизни. У меня захватило дух от этой ревущей компании.

Вот и всё для меня. Сказать, что я всерьёз надеялся, что Майя когда-нибудь может начать относиться ко мне иначе, не как теперь, когда она воспринимает меня всего лишь как друга... Не надеялся и не рассчитывал. Но мечтать никто мне не возбранял, тем более что все шесть лет я был рядом с ней каждый день. Я перевёлся в её группу, когда увидел, что меня записали в другую, я пошёл к декану и попросил

перевести меня. Он удивлённо посмотрел на меня и сказал:

– Ерундой не занимайтесь, молодой человек, какая причина? Для чего вам? Какая разница, в какой группе учиться?

– О, огромная! Там девушка моей мечты! Я за ней портфель носил, она...

– Так хороший способ её позабыть.

– Я во сне её вижу каждую ночь, и всё рано же будем видаться, а так... авось, она внимание на меня обратит, наконец!

Он засмеялся, качая головой, надел очки:

– Авось? Ну, если «авось», тогда Бог с тобой, иди подпишу заявление о переводе.

И вот, Майя всё равно выходит замуж не за меня. Всё равно Метла. Он всем лучше, это я понимаю, и всё-таки... И всё-таки, почему другим девчонкам я нравлюсь, а Майе – нет?

– Вот сумасшедшие... – проговорила Лида, увидев кортеж мотоциклов, вооруженных цветами. – Илья в своём репертуаре. Не мог без рокеров своих. Рыцарь, тоже мне, на железном коне.

– Да уж... – ахнула я. – А платьишко-то, Господи, Илья не говорит даже, сколько оно обошлось, но это же... разве выходят замуж в таких нынче?

– Это что... они ведь через весь наш городишко проехали, Виктор-то всё узнает. Вот будет нам с тобой!

Я отмахнулась от дочери:

– Что такое нам будет, прям уж! Он на работе, и не узнает, что мы были не на своих работах, а здесь.

Лида посмотрел на меня:

– Думаешь не дознается?

– Шпики у него что ли кругом? Угомонись и радуйся жизни. Наконец-то всё у нас пойдёт как надо, – радостно сказала я, подходя к ссыпавшимся уже с мотоциклов чудным гостям внучки или моего сына.

Илья обернулся к нам, махнув приветственно, из нашего микроавтобуса вынесли ящики с выпивкой, и он щедро угощает своих друзей.

– Отпустим молодых уладить формальности, а сами подождём здесь, чтобы не пугать слуг Гименя нашей жуткой компанией? – сказал я, не в силах пережить слова: «Объявляю вас мужем и женой!», тем более что Маюшка, имела-таки сострадание и не позвала меня в свидетели. «Жуткая компания» не подвела, все громогласно завопили, соглашаясь и откупоривая шампанское и пиво.

Маюшка с Васей, мама и Лида, Иван Генрихович и Слава зашли в ЗАГС, а мы остались на площадке перед входом и предназначенной для того, что мы устроили здесь: попойку.

Они вышли довольно быстро, Вася поднимал вверх свидетельство о браке и паспорта, что держал вместе в одной руке.

– Ура! Ура новобрачным!

- Малая! Ура!
- Здоровья молодым!
- Удачи молодым!
- Счастья!
- Золота!
- Долларов!
- Детей побольше!
- Ура, ребята!

И пробки в небо, хохот, фонтаны шампанского, хлопушки с конфетти, серпантин, крики снова.

Но вот ящики наполовину опустошены, подъехал микроавтобус, чтобы отвезти нашу компанию в лес, на поляну, которую присмотрели для этого Маюшка с Васей. Эти ящики я отдал ребятам, чтобы не обижались, что не зовём на семейный пикник.

В микроавтобусе корзины и сумки со снедью, одеялами – стелить на траву, и посудой. Тот же автобус увезёт всех потом домой. И только я на своём верном Харлее еду и сейчас за автобусиком, украшенном лентами и шариками. Я не отстаю и всё же я не внутри. Господи, дай мне сил выдержать это... вот только зачем?..

Всё как чудесный красивый сон:

- Вы согласны, Майя Викторовна?..
- Объявляю...
- Поцелуйте вашу жену...

И кольцо, вдруг оказавшееся на моём пальце. И Васино лицо, какое-то незнакомое, будто это и не он... а кто же?

Но вот мы опять под солнцем, здесь тепло, не то, что в старинном здании ЗАГСа, где за толстыми стенами такой холод, что меня пробирает дрожь. А здесь тепло, потому что здесь солнце и... и здесь Ю-Ю... Господи, что же я натворила... Вася, как я могла так с тобой?

В автобус мы садимся все кроме... Ю-Ю... Нет, отпустите меня к нему... как я без него...

Я обернулась назад.

– Ты что? – спросила бабушка, заметив мой взгляд.

– Едет он, не беспокойся, куда денется... Не слышишь, рычит мотор, – не глядя на меня, хмурясь, сказала мама.

Но пока я не вышла из автобуса, пока не увидела его, слезающего с Харлея, снимающего шлем, мотнувшего волосы привычным движением за плечо, пока не увидела как он снял куртку, бросив её на сиденье, и не посмотрел на нас, немного бледный и улыбнувшийся не сразу, пока всё это не произошло, мне было не по себе и даже... больно, будто мне защемили или вывихнули что-то внутри...

...Что-то странное с Майкой? Это мне кажется или правда происходит что-то? Я не могу понять, на будто сама не своя... но с какого момента? Я совершенно не могу понять, я не могу вспомнить, как и что происходило с ней в ЗАГСе, я был так взволнован, мне всё казалось сейчас что-то произойдёт и всё расстроится, ведь вечно всё происходит не

так, в моей жизни уже точно. И последние шесть лет были сплошным незамутнённым счастьем, значит скоро должно произойти что-то...

Но почему обязательно должно произойти что-то плохое? Со мной столько плохого происходило до Майки, может быть я уже полностью испил чашу незаслуженных испытаний? Почему не быть теперь счастливым всё время?

Но почему я чувствую холодок, пробирающий меня, будто сквозняк? Это немного бледное лицо Майки, её потемневший взгляд с расширенными зрачками, оттуда из-за этого куда-то делось солнышко. Майка, посмотри на меня...

Взглянула. Но будто сквозь. Словно меня и не видит. Или меня нет? Или её здесь нет? Майка, да что с тобой?

Только до конца выдержать лицо. Только выдержать. Господи, дай мне сил. А потом, поеду в Москву и... может КАМАЗ какой успокоит меня?.. Или кювет. Или столб... Чёрт, какая глупость. Ну какая же глупость. Почему я не могу иначе чувствовать? Почему я не могу так, как говорит Юргенс? Почему во мне нет его нелипкой лёгкости? Он может никого не любить и быть счастливым, почему я так вляпался? Почему я завяз как древний комар в янтаре, навсегда? Почему я не мог влюбиться в девушку, которую мне можно любить, и которая любила бы меня? Какого чёрта я получился у тебя таким дураком, мама?!

Я посмотрел на маму, и она обернулась ко мне, улыбнув-

шись на мой взгляд будто немного испуганно. Растерянно точно...

Есть от чего растеряться. Казавшиеся такими счастливыми молодые вдруг начали меняться как меняется летнее небо, только что не было ни облачка, а то откуда-то ползут толстобрюхие синие тучи и серебрятся высокие перистые буреносные облака. Что с Майей? Что с Ильёй? Губы бледные, глаза вниз... Вася то бледнеет, то снова улыбается.

Все прочие вроде и не замечают ничего. Да ничего и не происходит. Всё как надо. Тосты, шампанское, угощение, превосходные, душистые от пряностей цыплята табака, фрукты и овощи, вино, все улыбаются, шутят, дарят подарки молодым, опрокидывают рюмки, хохочут, снова пьют, угощаются, рассказывают анекдоты, никто не разговаривает о политике, ни о прошедших выборах, ни о бесконечных, каждый день происходящих терактах в Москве и на юге, в Волгограде и где ещё, в Астрахани?... ни про убийство депутата в Краснодаре, ни о войне в Чечне, которая, по-моему, уже расползлась везде, как угарный газ, отравляя всю страну, а мы и не подозреваем, и даже не чувствуем, в своей ежедневной суете и том, что видим перед носом в данный момент. Но и к этому мы слепы. Ах, как слепы...

– Илья, может, ты скажешь что-нибудь молодой семье? – сказала я, намереваясь вывести его немного из странного то возбуждённого, то апатичного состояния.

– Не надо, – вдруг сказала Маюша.

Все мы посмотрели на неё. Господи Боже, что же это делается... Только не это... Майя, остановись!

– Не надо ничего говорить, Ю-Ю... Вася... – она повернулась к молодому мужу, но не смотрит на него, опустив голову. – Вася... можно... можно поговорить со тобой?

И поднялась на ноги, платье замялось немного сбоку как сидела. Вася поднял голову, смотрит на неё:

– Поговорить? Ну... говори...

– Нет, давай... давай отойдём?

Он поднялся, становясь белым как салфетки, что разбросаны по скатерти...

– Что с тобой?

И Илья тоже поднялся на ноги.

Слава, такой симпатичный мальчик, обернулся на молодых, но Иван Генрихович и Лида продолжили, к счастью, начатый между собой разговор о Булгакове, любимом Лидином писателе:

– Вот фильм вышел по «Роковым яйцам», как вы нашли?

– Мне и роман этот не очень знаете ли...

Я же слежу за молодыми, я не слышу их разговор, но...

– Вася, ты должен простить меня... то есть... Господи, конечно, ты ничего не должен, и наоборот, не прощай, я... такая дрянь, не зря папа бил меня каждый день.

– Что делал? – переспросил Вася. – Ты не говорила...

– Не важно...

– Да нет, подожди...

– Я не должна была становиться твоей женой... Всё это нечестно... Я не знаю, что я... я не понимаю, Вася, я так тебя люблю... Я люблю тебя. Но... – я сняла колечко с пальца и протянула ему, – я не могу быть... Я поэтому и не могу быть твоей женой...

– Ты что?

– Я...

– Ты меня не любишь?

– Люблю.

– Тогда... что?..

– Я не могу... – беспомощно повторила я.

Он ударил меня по руке, выбив кольцо и оно улетело куда-то в траву.

– За что, Майка?! Всё то же? Тебе со мной... ты думаешь что-то главное упустишь или потеряешь?.. Что-то, чего я не смогу тебе дать?.. Ты думаешь у меня не хватит... денег... или сил...

– Нет-нет, всё не то! Ничего этого... просто я думаю о другом. И во сне его вижу... как можно быть и здесь, и там...

– Я не знаю, – сказал Вася, бледнея и отвернувшись...

Но к нам спешат. Подбегают. Не дают договорить.

– Что тут у вас?

– Ссоритесь?!

– Да вы что, ребята...

– Не надо...

– Погодите...

И бабушка, и Иван Генрихович... И... нет, мама обернулась на Ю-Ю, что-то говорит ему... Славка смотрит на них.

– Поздравляю! – сказала Лида, обернувшись на меня.

– Думай, что говоришь, – ответил я.

– Ты же не думаешь, что делаешь. Что делал. И что сделал. Парню хорошему жизнь испоганил. Ладно она – наша порода, дрянь, сучка, паршивая потаскуха, как ты и я, но он-то мальчик чистый, где и берутся такие в наше время, с ним ты за что так?

– Что мне было... утопиться?! – заорал я.

Она только плечами пожала. Не думает, конечно, что мне надо было утопиться, но и выхода для меня никакого не видит. Нет его. Только...

Что за странный разговор? Почему мать Майи так говорит со своим братом, с её дядей? Так странно, будто в ссоре между Васей и Майей виноват он, будто он...

Я снова посмотрел в сторону, куда поспешили Иван Генрихович и Татьяна Павловна, но Вася оттолкнул руку своего соседа, как я знаю, его приёмного отца, и пошёл и вскоре даже побежал прочь. К шоссе. Его подхватит попутка, тут ехать полчаса от силы... но что у них...

– Майя!?!.. Майя! – бабушка ударила Майю по щеке. –
Опять начинается, мало отец лупил тебя!?

Майя только отшатнулась, прижав ладонь к щеке.

– Мама! – крикнул Илья.

Если бы бабушка не обрушила на меня свою карающую длань, я бросилась бы за Васей. Может быть, я сумела бы опять убедить его, что это какое-то безумие и свадебный мандраж. Может быть, он поверил бы во второй раз, но её удар будто полностью вернул меня на шесть с половиной лет назад, когда отец ударом ещё сильнее сбил меня с ног...

Ю-Ю... вот ты... Обнял меня, закрывая о всех. Всё... я в моём мире...

– Мама, ты...

– Ну вы... – прорычала бабушка, намереваясь, очевидно, обругать нас.

– Прекрати! – рыкнул и Илья.

Я не слышу и не вижу ничего. Я только чувствую его тепло, его твёрдую и мягкую для меня, тёплую грудь, в которую упирается моё лицо, его чудесный запах, его руки, закрывшие меня сразу от всех и от всего. И его сердце, бьющееся там в груди...

Часть 13

Глава 1. Ливень

Рокот мотора Харлея сообщает ровный пульс хилому и мелкому, глупому моторчику в моей груди. Ещё не стемнело, когда мы въехали в Москву, но пока колесили по городу, со всеми перекрёстками сумерки овладели пространством. Однако, всё это я воспринимаю сквозь закрытые веки, я чувствую только одно: Ю-Юшину спину у меня под щекой с играющими на ней большими мышцами, его волосы бьющие по стеклу его шлема на моей голове, ведь моего он не взял сегодня, и надел на меня свой и свою куртку. Мы уехали с поляны сразу, как только остальные собрались и укатили на автобусе.

– Увези её теперь куда-нибудь подальше, – шипит бабушка. – Цирк в римском Колизее с кровавыми жертвами...

– Оба утопитесь, уродцы! Проклятая кунсткамера! – это мамин голос.

– Лида!

– Да что «Лида»? Лида-Лида, вот тебе твой Илюшенька, досюсюкалась.

– Когда это я сюсюкалась?

– А ну вас всех Тумановых!

Потом захлопнулись дверцы микроавтобуса, зафырчал его мотор и немного буксанув на траве, он укатился.

– Не бойся их. Вообще ничего не бойся.

Я только обняла его. Я боялась только одного – врать Васе, по-моему, хуже ничего нет. А больше мне нечего бояться. Только, что Ю-Ю разлюбит меня. Вот поймёт, какая я дрянь на самом деле и разлюбит.

Что это такое произошло, я так и не понял, кроме одного, семейная тайна о которой так много болтали когда-то в Мске и которую я забыл, потому что никогда в неё не верил, действительно существовала. Все эти слова мамы Майи и её бабушки, стало быть, не было без огня дыма? Был огонь. И есть. А как же Метла... Вот бедняга. Нет, хуже этого можно было бы только продолжать связь с другим за его спиной. Ну и Майя. А я-то...

А я чуть ли не мадонной её воображал со всей её ангельской внешностью. Думал, вот любовь. Вот Метла счастливчик. Да и достоин её только Метла и был...

Но это она его недостойна. Ах, Майя...

Отвращение и разочарование таких масштабов ещё не постигали меня никогда.

А я не чувствую ничего. Ни, когда бежал до шоссе. Ни, когда отдал за то, чтобы меня подвезли своё новенькое сверкающее обручальное кольцо. Ни, когда дошёл до дома и по-

валился на наш с Майкой диван. Ни, когда Иван Генрихович, осторожно заглянув ко мне, вошёл и стал что-то говорить. Ни после, когда он уже ушёл и я остался один. Ни утром, когда я проснулся в той же позе, как лёг с вечера: заложив руки за голову, от чего они так затекли, что я едва смог их разогнуть и опустить. Ни, когда собрал какие-то свои вещи, документы и деньги и вышел из дома с одной целью, подальше от М-ска, от всего, что осталось там.

Куда я шёл? Куда добрался, я начал понимать только через несколько месяцев. И то, только понимать, но не чувствовать...

Маюшка спит на моём дрянном старом диване в коммуналке на Пятницкой. Мы поднялись сюда по полутёмной уже лестнице, лампочки вкрутить надо будет, вечно кто-то ворует, кому они нужны, копеечные?..

Она не плакала. Вошла и села. И повалилась боком, сбросив туфли и поджав ножки, как котёнок, свернувшись в клубок.

Я вышел на кухню и закурил, глядя в темноту окна. Надо привезти какие-то её вещи. Но как поехать за ними к Васе? Я не могу отпустить её, она ринется к Васе, и он... и он простит её? Я не очень-то в это верю. Вернее, я не хочу, даже проверять это.

Завтра рабочий день, надо попросить Юргенса подежурить за меня, и отпроситься у заведующей, такое как сегодня

не запланируешь, я, наоборот, надеялся утопиться в работе. Сосед то ли Лёнька, то ли Лёшка, а может он вообще Эдик, чёрт их знает с их рожами, спросил:

– Чё, отодрал? Я видел, ничё такая, ножки тоненькие... не сильно молоденькая? Школьница небось?

– Школьница-школьница, – ответил я, что ещё скажешь ему, идиоту?

Я затушил сигарету в банке из-под «Балтики-6» и пошёл к телефону, пришпандоренному на стене в коридоре.

Юргенс удивился:

– Что это? На курорт опять заваялся? – весело спросил он. – Ломаешь мне, конечно, кайф пятничный, но чего не сделаешь для друга. Валяй, отдыхай... Я и у Елены Семённой отмажу. Думаю, ты для меня когда-нибудь сделаешь то же.

– Не сомневайся, – уверил я. – Спасибо, Вэл.

– Бывай, веселись, кайфоломщик, – я чувствую улыбку в его голосе.

Так, теперь...

Маюшка спит, даже не шевелюсь. Я лёг рядом не раздеваясь. Ночь тёплая, жаркая даже. Но заснул я быстро, как никогда, её близость будто убаюкала меня.

Утром я проснулся рано, Маюшка всё так же спит.

Я вышел умыться, завтрак приготовить. И вернулся в комнату, замирая внутренне от мысли, что у меня навязчивая многолетняя галлюцинация и Маюшки там нет.

Есть. Вот она. Так же спит. Господи, почти летаргия... Но

что я хочу... Хочу, конечно, ничего этого не было, как будто и не было шести лет, вот так хочу. Но, с другой стороны, теперь она взрослая, и я могу не мучиться, что сбил с пути ребёнка. Правда, могу?

– Май...

Надо разбудить всё же, пусть поест, скажет хоть что-нибудь. А потом съездить за вещами. Хотя бы в общежитие. В М-ск... Как ехать в М-ск к Васе, я не представляю... Но... может быть, и не надо? Да чёрт с ним, со всем тамошним её тряпьём, куплю новое.

Она приоткрыла глаз, но плывёт зрачок.

– Ю-Юша, хорошо...

И закрыла снова.

– Ты слышишь?

– Да... – но только плотнее свернулась, чуть выгнувшись как кошка затылком вниз. – М-м... шпильки вынуть надо, больно... – и подняла руки к волосам, всё так же, не открывая больше глаз. Некоторые падают их неловких пальчиков ей под спину, но большую часть шпилек отдала мне в руки. Сняла и цветы, съехавший свадебный венок...

– Май, надо встать, полсуток почти спишь.

– Нет, не хочу...

Я посидел рядом.

– Ладно, Май, ты... Слышишь меня?

– Да...

– Я в магазин схожу. Ты не бойся, вставай, туалет тут в ко-

ридоре, шагов двадцать прямо, потом направо: коричневая, самая страшная дверь с окошечком наверху и обвешанная по стене стульчаками, как хомутами, так что...

– Я поняла...

Я проснулась, и долго лежала, чувствуя, что всё тело затекло, свёрнутое почти в узел. Поэтому я вытянулась. И открыла глаза. Солнце. Как и вчера. Но между сегодня и вчера будто пролегла пропасть. Я не могу вернуться назад. Или могу? Но я возвращалась уже и... И вот, что я сделала...

Как же я буду жить теперь? Как жить и не видеть больше Васю? Как это возможно? Как можно жить без Васи?... Нельзя... ох, нельзя...

Но и жить так, как до сих пор... всё ложь. Всё обман...

Но в чём ложь, Майя?!

Во всём. С Васей, едва отвожу взгляд от его лица, я вижу Ю-Ю. Не могу не видеть его. Не помнить о нём и обо всём, что было. Всё, каждый день, все ночи, слова, каждое ругательное слово, что в мой адрес посылали отец, и другие, каждую его порку, что я вынесла, не считая незаслуженной. Я дорого платила тогда, но не могу отказаться от тебя, Ю-Ю. Но теперь я... теперь не своей уже кровью плачу... Тогда не должна была оставаться с Васей... Тогда...

Получается все эти шесть лет я...

Нет, это был безоблачное счастье. Счастье каждый день, будто каждый день было солнце.

И что, я устала от солнцепёка?

От правильной и чистой прекрасной во всех проявлениях любви?..

Я встала. Я сходила в этот кошмарный сортир. Вот ужас, там нарочно такая тусклая лампочка, чтобы захотелось сдохнуть на унитазе? Он вроде и чистый и не воняет. Но он воняет старостью и количеством людей, что посещают его целыми днями. Как шлюха...

Волосы распустились пока я умывалась, стали лезть в лицо, я завернула их жгутом. Дорогу назад в комнату я еле нашла, хорошо, что помнила, что она возле кухни. Я вошла в комнату, узкую и тёмную, диван, с почти несмятым покрывалом, телевизор и видик на полу, и письменный стол у стены. Я сто раз бывала здесь, но никогда не ночевала, конечно... я подошла к столу. Но увидела свой свадебный венок...

Она уже плакала так когда-то. Но тогда из-за меня... А сейчас...

Я нашёл её на полу, где она сжавшись и зарыв лицо в колени, обняв их рыдала, завывая, а рядом лежит её примятый свадебный венок.

– Май! – я подлетел к ней, обнимая плечи и боясь, что сейчас оттолкнёт меня, но нет, она даже не пошевелилась, какой-то живой комок горя. Горячий, мокрый, сгусток боли и отчаяния.

Ни лекарств, ни алкоголя, нечем попытаться снять эту му-

ку. Но для кого я хочу это сделать? Для неё больше или для себя, чтобы не видеть, как она убивается из-за того, что выбрала меня. Ведь именно так.

– Маюша... Маюша... Май, ну не надо, перестань, – беспомощно лепечу я не переставая обнимать и целовать её. – Ну выпей воды...

И лепечу так, наверное, час. Потом она затихла и, разогнувшись, потянулась встать. Дошла до двери, обернула ко мне распухшее лицо:

– А ванная... я забыла, где...

Я довёл её. Шум воды, и выйдя, взглянула на меня по-прежнему распухшая, красная:

– Ты... прости... я... посплю ещё, можно?

И уснула мгновенно, едва легла.

Вот и хорошо. Я не думаю, что проснётся скоро. И не ела...

Но это всё чепуха. Такая чепуха.

Половину моих вещей, даже больше половины, составляли книги, так что мне было чем себя развлечь и при том не шуметь.

Только я пристроился почитать, уютно усевшись в ногах, как Маюшка проснулась от плача.

Лекарств и водки надо было купить, хоть как-то успокоить её, хоть искусственно... я опять не купил, поэтому я снова только уговаривал её и снова она заснула без сил.

А я без сил опять сел на пол, застеленный вытертым по-

ловиком, если бы не половик, в щели между досок можно провалиться пяткой, узкой Маюшкиной уж точно. Но теперь настроения читать во мне не осталось. Это сколько же будет продолжаться?

Я вышел и снова закурил. Надо пепельницу в комнату что ли принести, окно открыть и... Или курить бросать.

Маюшка просыпалась так ещё несколько раз. И снова я ничего не мог добиться, кроме воющих рыданий, бессилие овладевает мной.

Я лёг рядом с ней, как и вчера, и опять мы одеты оба. Но когда она проснулась, плача, на рассвете, в очередной раз, я не выдержал. К чёрту деликатность. Я чего, интересно знать, жду? У меня уже почти болезненная эрекция, а я как слюнявчуха изображаю какого-то друга? Для чего мы здесь? Для чего она здесь? Из-за чего она плачет, доходя до иступления? Я идиот...

Она открыла опухшие глаза, этак все их выплакать можно...

– Ты что... Ю-Ю... Илюшка... Что ты?!

– Тише... – пальцами под горячий влажный затылок, опухшие губы, солёные, мокрые, горячие, будто это и не губы, а... как это у Шекспира: «преддверия души» ...

Трусики из розового французского кружева, я сам выбирал их, прочь, всё прочь...

– Илюша... нет, что ты... не надо... не сейчас... Подожди... – она ещё пытается спасти платье, удержать его на

своих плечах, и меня на расстоянии.

Уже не получится, Май. Меня уже не остановишь... поверь мне, так будет лучше... вот кожа твоя, груди обнажились, соски нежные розовые в бусинки собираются... Бёдра врозь...

– Не надо, Май... – я убрал её руки, пытавшиеся отодвинуть меня.

Мне почти больно, ей, думаю, тоже, выгнулась, выставив подбородок со вздохом-стоном... Но аромат какой, Май... и тепло... и... блаженство... наконец-то... наконец-то... блаженство моё, моё наслаждение...

... да, Ю-Ю, наверное, так и надо. Наверное, это и правильно. Именно так и верно. Так и ладно... Ю-Ю... Хорошо, что... так... А-а-ах... хорошо... как же хорошо...

Все эти годы я не занимался любовью. Даже сексом я не занимался. Чёрт его знает, что это было. Что я делал? Разве я кончал? Вот она – кровь и плоть, вот пот и слёзы, я слышу и сердце, и бег крови по твоим венам, я слышу дыхание в твоей груди, я чувствую всё, что чувствуешь ты, даже твои желания, каждую твою мысль.

Ты разбила мне сердце однажды июньской ночью, сказав, что мне больше нет места, ты разбила мою душу, чтобы теперь собрать всё снова, всё оживить, одухотворить.

Ливень зашумел по крыше, по стеклу. Окно открыто, кажется, что мы лежим прямо под этим дождём. Он грохочет и шелестит по стенам и тротуару. Убаюкивает, но нам спится

так мало...

– Зимой у тебя тут совсем темно?

– Зимой везде темно.

– Не всегда, – она улыbnулась, повернувшись ко мне, пальцами ласкает мою бровь, ресницы. – Я люблю тебя, ты знаешь?

– Хотелось бы думать, что да, – как же хорошо.

Как хорошо целовать её снова и ловить ртом слёзы счастья и блаженства, не горя. Не горюй больше, Май, не горюй, умоляю... Я не хочу больше быть твоим горем. Я хочу быть твоим счастьем.

– Я... я хочу ещё... ещё, Ю-Ю... будешь думать, я нимфоманка.

– Нимфоманки не кончают, от того у них и мания.

– Значит я Ю-Юманка!..

– Когда тебе на занятия? Или вернее, уже на работу? – спросил я, когда мы, усевшись за табуретку, послужившую нам столом, уплетали яичницу, вчерашним хлебом стирая с тарелок растекающийся желток. И яйца, и колбаса кажутся особенно вкусными. Как и кофе. На кухню есть мы не пошли, там никто не ест, столы разделочные, ещё только плиты да раковина.

На улице по-прежнему солнечно и жарко, ночной ливень только смыл пыль с листьев и крыш. Но стало ещё жарче. Окно распахнуто настежь, хорошо, что оно открывается нару-

жу, иначе рама занимала бы полкомнаты.

– Одеяло теплее у тебя, – сказала Маюшка.

– Это не одеяло, это я, – смеюсь я.

На ней моя футболка, у неё одежды-то никакой нет. Мы не говорим ни о её вещах, ни о документах, ни о чём, что заставит нас говорить о Васе. Мы как соучастники убийства не в силах говорить о жертве.

– На занятия мне через неделю. Двадцатого.

– В очередную годовщину путча? – усмехнулся я, и протянул руку, чтобы стереть капельку желтка, что высыхает на её подбородке. Маюшка засмеялась, перехватывая мои пальцы в свои маленькие.

– Ну не совсем, девятнадцатого годовщина.

– Тебе было страшно в те дни?

– Как только я увидела, как трясутся руки у Янаева, сразу стало не страшно, – ответила она.

Я усмехнулся, верно.

– Какой сегодня день, Ю-Ю?

– Надо выйти на улицу, может поймём, или телик включить, – засмеялся я.

– Вопрос в чём мне идти на улицу.

Я оглядел её со вздохом:

– И ни черта из моего тебе не подойдёт... Дам джинсы, ремнём перехватим, а там купим что-нибудь.

– Ещё не все деньги потратил что ли?

– Мало-мало есть, – сказал я и добавил: – Я шесть лет

почти не тратил, Май. А зарабатывать я умею, ты знаешь.

– Здесь то же? – уже не улыбаясь, спросила Маюшка.

– «То же» всё реже. И чем дальше, тем меньше мне хочется зарабатывать «этим», хотя это легче всего. Сейчас столько частных клиничешек, на деле обычных абортариев, развелось, больше, чем парикмахерских. И относятся там ко всему этому так же, как к какому-нибудь маникюру. Угнетает, знаешь ли.

– Не знаю, но верю на слово... – она подняла голову. – Надо посуду помыть.

– Не парься, я помою, – сказал я, вставая. – Но... знаешь что? Я тебя познакомлю с моими тутошними подружками, идёт? Вот платье купим тебе...

Глава 2. Вальтер

Я дежурю за Ильёу уже в который раз. Столько же раз за меня дежурил он. Но когда он позвонил и попросил поработать за себя неделю, до двадцатого, и заведующая Елена Семёновна была уже в курсе, я почти разозлился.

– Валентин Валентиныч, я понимаю, вы почти перешли в дежуранты, а тут я прошу и Илья Леонидыч, не сомневаюсь, что вы не подведёте.

Я не подвёл, конечно, но за это Илья будет мне должен. Хотя бы рассказать, с кем это он так отлично завис на целую неделю. Прямо любопытно. Впрочем, он и в Сочи полетел с какой-то Яной, оказалось, это ничего не значит. И теперь, скорее всего та же пустая история.

А мне предстояло возвращение под начало Ника Сестрина. Но оставлять Центр на Опарина я не намерен, конечно, здесь перспектива, правда ЭКО меня совсем не привлекает, вся эта возня с психованными бесплодными парочками – не для меня, как Илья это выносит, не понимаю. Но у него идея фикс, перекрыть количеством вновь рождённых детей тех, кому он родиться не дал. Ну, не бред? И сентиментальщина. Достоевский замучился бы по нему плакать, то же мне, гинеколог – мученик совести.

Я сам всегда был чужд не только сантиментов, вообще излишних проявлений чувств. И в семье у меня все были сдер-

жанными, никогда не миловались при мне, не называли друг друга какими-нибудь «пупсиками» или «солнышками». Маму зовут Марта Макаровна, придумать для неё ласкательное прозвище это будет «Мартуша», что-ли? Или «Марточка»?

Но Илья при мне тоже не выказывал чувств никогда. Правильнее сказать, он их скрывал, но это не значит, что я не могу их в нём разглядеть. Он переживает за своих пациенток, за каждую неудачу, на мой взгляд слишком близко принимая к сердцу. Учитывая, что в лучшем случае только треть попыток ЭКО оканчивается беременностью, это чересчур расточительно. Эдак ни на что вообще чувств не хватит. А если посчитать сколько этих вымученных беременностей сопровождается тяжёлыми осложнениями вроде Синдрома Гиперстимуляции Яичников, когда женщину так переполняют гормоны, что раздувает все её органы водой и она может легко умереть в это время, то тем более.

Всё это, эти переживания не для меня. Я готов оперировать, спасать и детей, и женщин в родах и от самых лютых женских болезней, но возиться с их гормонами, психологией, всей этой тонкой материей – увольте. Да и не замахиваюсь я на то, чтобы смотреть в лицо Творцу. Я ремесленник, лучше всех знающий и выполняющий своё ремесло. И если, по возвращении на кафедру мне удастся заставить себя описать пару-тройку новых операций, придуманных и проведённых мной с отличными результатами, и написать диссертацию на эту тему – это всё, на что я способен. Пожалуй, даже учени-

ков я не смогу за собой вести, это ведь тоже близкое общение...

Но вот и явился Илья Леонидыч, худой, искристый какой-то, я таким его сроду не видал. И глядит ясно-голубыми глазами, как семнадцатилетний.

– И что это? Женился что ли? В метро нашёл принцессу?

Илья усмехнулся:

– Принцессу, да. Завидно?

– Познакомил бы хоть.

– Познакомлю, – улыбнулся он. – Ты всё, ушёл?

– Да, уже сегодня Ник Сестрин ждёт.

– Привет от меня передай. Ты в Первую? Или больше в «пятнашку»?

Я покачал головой:

– Вот каким надо быть невнимательным к другу, ни черта не помнишь, а я говорил!

Но он улыбается так, что даже злиться на него нельзя.

– Выпьем сегодня?

Но Илья чуть-чуть смущённо морщит усмешкой красиво очерченные губы.

– Вот морда... – выдохнул я. – Всё теперь, только и видеться будем, что на работе? Надолго эта фигня?.. А я думал, ты по этой своей трагической любви вечно сохнуть будешь.

И тут я догадался. По нему обо всём догадался:

– Да ты чё... Заполучил? Она же... замуж вышла вроде?

Но Илья больше ничего не сказал, Елена Семёновна по-

дошла к нам с историями болезней:

– Так, Валентин Валентиныч, эпикризы напиши, забыл? И дневников не хватает, – она водрузила мне на руки толстую кипу историй, что, все мои?! – А вы, Илья Леонидыч, айда за мной.

Я направился в ординаторскую и засел за худшую часть нашей работы: проклятую писанину. Сколько бумаги, а главное человеко-часов уходит на этот идиотизм...

– Валентин Валентинович, пригласили бы хоть... не знаю... на хоккей... – это молодая, разбитная немного ординаторша Ольга Николаевна зашла включить чайник, в шутку подбивает клинья, я ей даром не сдался, так, подкатывает шутки ради. Зажми я её где-нибудь, небось, сбежала бы. Попробовать что ли?.. Напоследок... Но нет, на работе – ни-ни, себе дороже, не отделаешься после.

– Илья Леонидыч, у меня к тебе личное дело, – сказала Елена Семёновна, приглашая меня сесть на стул возле её стола.

У меня к ней тоже будет личное дело сегодня. Но сейчас я приготовился слушать.

– Я хочу попросить тебя заняться моей дочерью. Не пугайся, ответственность, я понимаю, но обещаю: ни нажимать, ни вмешиваться, ни тем более обвинять в случае неудач я тебя не буду.

– Вы хотите, чтобы она вступила в программу ЭКО? –

дрогнул я.

Хуже нет – заниматься родственниками начальства, тем более детьми. Ну и ну... вот уж, где-то удача привалит, где-то наоборот...

– Да, хочу. Тридцать лет, семь лет замужем, ничего, никакой патологии и никаких детей. Займёшься?

Как-будто я могу отказаться...

– Елена Семённа, – в свою очередь заговорил я. – Можно и мне попросить вас о личном?

– Ещё за свой счёт хочешь? – она посмотрела из-под тридцать лет назад выщипанных бровей.

– Да нет. Я... моя... – назвать Маюшку «моя девушка» в этой ситуации было бы неподходяще, свою девушку тащу на дежурства с собой, вот я и воспользовался эти куда более располагающим термином: – моя племянница ординатор на нашей кафедре, позвольте, она будет дежурить со мной?

Елена Семёновна улыбнулась:

– Поучить своим секретам хочешь? Что ж, я не против, пусть с тобой дежурит, а там видно будет, может, оформим дежуранткой и дальше... Учи. Сам учишься, когда других учишь.

Потом посмотрела на меня чуть-чуть насмешливо:

– Я и не знала, что у тебя такая взрослая племянница есть. Приводи, познакомь.

Если мой дорогой друг нашёл своё долгожданное счастье,

то меня сегодня ждёт испытание. Моего терпения, самоощущения, гармонии моего мира, которую я себе создал и стараюсь сохранять. Это встреча с моей дочерью и её матерью. Это как раз к вопросу о чувствах: я не люблю встречаться с моей дочерью именно потому, что ничего не чувствую... Должен, как положено человеку, отцу, нормальному мужчине и мне стыдно, что я ничего не могу изменить в себе. Кажется, все дети должны вызывать во взрослых хотя бы умиление, как котята, но я и к другим детям этого не чувствую и тем более к Люсе. От этого я начинаю понимать, что я несовершенен, что я бесчувственный или просто плохой человек, циник, деревянный чурбан или чёрт его знает, что ещё, но от этого осознания мне становится не по себе и возвращать радость жизни тоже приходится после этого несколько дней.

Почему моя дочь не вызывает нежности и тепла в моём сердце? Спрашиваю я себя каждый раз. И не нахожу ответа. Потому, что она похожа на свою мать, связь с которой я никогда и не вспомнил бы, не получишь в результате Луселия, кошмар моей жизни одно её имя? Или потому, что она не слишком приятный и приветливый ребёнок, но ведь это мой ребёнок, я должен... Каждый раз, когда я её вижу я думаю о том, что, возможно, Марина обманула меня и Люся вовсе не моя? Но Марина так уверена, невозможно так уверенно лгать. Да и моя, наверное, думаю, я сам был таким же противным и нелюдимым ребёнком.

С другой стороны, Марина постаралась извлечь из этой

ситуации максимальную выгоду, она привлекла меня к обеспечению их жизни, но и к самой их жизни тоже, но при этом в свидетельстве и рождении не указала меня отцом, для того, чтобы получать все выгоды положения матери-одиночки. Я не пеняю ей на это, понять её легко. Но с тем, как растёт эта девочка, растёт и моя вина. Я всё время виноват и чем дальше, тем больше, что не люблю и не любил её мать, что она плод ошибки, досадной и для меня и для Марины, что я не в силах открыть хотя бы кусочек моего сердца или моей жизни этому ребёнку и впустить её туда, позволить там обосноваться.

Наоборот, я забываю об их существовании от раза к разу. И только настойчивые и неотступные требования денег остаются постоянными. Для этого Марина и ребёнка таскает на наши встречи, чтобы уязвить меня в очередной раз: вот, какой букой растёт твоя дочь без отца. Вот, как мне трудно с ней. Вот, как трудно сейчас находить логопедов, учителей английского, как дороги студии танцев, и художественной лепки, «она так хорошо развивает мелкую моторику», я и слов-то таких не знал... Боже...

А теперь Люся, оказывается идёт в школу. Ей что, уже семь лет?

– Ну, будет семь в ноябре, – Марина надменно сложила губы. – Что же ей идти позднее, чтобы быть самой старой в классе?!

Вот что говорит эта женщина?

– Делай как считаешь нужным, – я поспешил согласиться.

– Уж, конечно, тебе всё равно, как всегда, – зло отмахнулась она.

Я ничего не стал больше говорить, может, так скорее закончится эта пытка. Мы в Макдональдсе на Тверском, куда ещё пойти с ребёнком, с точки зрения Марины.

– Ладно, Юргенс, не в этом дело. Надо денег на форму, портфель, обувь, на книжки. И вообще, сейчас в школу много чего требуется...

– Сколько надо? – выдохнул я.

– Думаю, миллионом обойдётся.

– Послушай, Марина, я всё понимаю, но... – задохнулся я от непомерной суммы.

Люселия забурлила молочным коктейлем, втягивая остатки через трубочку, гадкий шваркающий звук вкупе с химическим запахом этого пойла вызывают невольную гримасу на моём лице.

– Ну конечно! – ожидаемо взорвалась Марина. – Ты не понимаешь! Тебе всё кажется, что я требую от тебя всё больше и больше, но ты попробовал бы сам один воспитывать ребёнка в наше время. Я даже работу не могу себе найти из-за того, что она то болеет, то надо по учителям водить, то в кружки...

Вот это ты проговорила. Я подозревал уже давно, что содержи не только Люсю, но и Марину. И ведь сожитель у Марины есть и давно, но и за него не идёт. Не удивлюсь, что

она врёт ему, что я, мерзавец, не хочу кормить свою дочь. Судя по тому, как одеты они обе, как часто эти безвкусные тряпки меняются, она не сдерживает своих appetитов.

Чёрт с тобой, Марина. Очевидно, что я виноват уже потому, что мне тягостна и противна всему моему существу эта встреча, потому я должен платить. Хорошо, что могу хотя бы откупиться...

В подавленном настроении я приехал сегодня домой. Мама ещё не было, Агнесса Илларионовна приготовила ужин, я застал её в передней, надевающей сандалии. Она носила странные сандалии летом похожие на те, что я носил в моём октябрьском детстве, такие же коричневые с дырочками и рантом, только размер у неё не детский. Вот интересно, она носит их несколько лет, не снашивает или покупает одинаковые?

– Вальтер Валентинович, всё горячее, можете подождать Марту Макаровну, звонила, сказала будет через полчаса, теперь уже минут через десять. Если хотите я задержусь...

– Не стоит, спасибо, мы сами, – сказал я.

Только дома меня зовут Вальтер, это моё второе или первое имя, я не знаю, Валентином меня крестили в Православном храме, все мои передки были православные, от лютеранства отошли тогда же, когда приехали жить в Россию. Но Вальтер имя только домашнее, никто за пределами моей семьи не знает его.

Пока я мыл руки и переодевался в домашнюю рубашку и

джинсы, пришла и мама. Её каблучки я услышал по гулкому паркету в передней.

– Ты дома, хорошо, – сказала она, увидев меня, выглянувшего с кухни.

– Есть будешь? – спросил я. – Агнесса только что ушла.

– Пожалуй, да.

Через несколько минут мы уже сидели за столом старинной работы с толстой столешницей из морёного дуба, покрытой льняной скатертью. Запечённые в сметане грибы всегда отменно получаются у Агнессы.

– Да у Агнессы всё отменно получается, – сказал я.

Я чувствую, мама возбуждена, она начала с возмущением рассказывать мне как её последний «мнс» неожиданно начал подумывать о переезде в Канаду.

– Вообрази, это ничтожество, которое я терплю только потому, что никого больше не осталось, его тупость, «транвай», гэканье, «звОнит», противные волосы и дешёвую туалетную воду, я уже не говорю, что у его ни капли научного прозрения или ума.

Я засмеялся:

– Противные волосы? Ну ты даёшь, – невозможно не засмеяться, слушая её описание и возмущение. – Разве научные руководители так оценивают своих сотрудников?

– Ох, Валентин, оценивают всё, это я не говорила раньше, самой себе не говорила, чтобы не культивировать отвращение. Но теперь... – она вдохнула и выпила почти залпом во-

ды из хрустального стакана с золотым кантом. Мама любит красивую посуду и на каждый день у нас не какие-нибудь фаянсовые тарелки, а лучшие тарелки и стаканы. А для гостей и вовсе драгоценный поповский фарфор. Но гостей у нас бывает нечасто и негусто. Папиных друзей или уже нет в живых, или они так стары, что в гости давным-давно не ходят. родственников и вовсе никого нет: мама из спасённых ленинградских сирот, что вывозили по Ладожскому озеру в 42-м, она и имени своего и фамилии никогда не знала, после войны её удочерили пожилой доктор и его жена, у них дети погибли в блокаду, вот мама и стала их ребёнком, поэтому она, наверное, выбрала медицину, когда решала на кого учиться, поехала в Москву, тут и отца встретила. А со стороны отца тоже все родственники были потеряны ещё с момента его ареста. Так что мы одинокие Юргенсы. Я своих приятелей в дом не водил, тусоваться – одно дело, но привести в дом к маме – совсем другое. Из моих друзей мама знакома только с Ильёй. Но разве он не единственный мой друг?

– А ты что, такой? Расстроен чем?

Мама знает о Луселии, не сразу, но я рассказал ей о своей внебрачной дочери. Мама, выслушав, сказала тогда:

– Хорошо, что не бросаешь хотя бы материально. Но... не пожалеешь потом, когда станешь очень взрослым, что не сумел заставить себя быть нормальным отцом?

– Разве надо себя заставлять? Разве я не должен был сам этого захотеть? Сам! А не оказаться прижатым к стене свер-

шившимся фактом?

Мама пожала плечами тогда:

– Это называется ответственность, сынок. Надо было раньше думать.

– Раньше, когда это?!

– Видимо тогда, когда твоя рука потянулась расстегнуть штаны... – спокойно сказала мама. Он с отцом особенно не щадили и не баловали меня. Я не рос академическим ребёнком, членом тусовки «золотой молодёжи». В юности я ещё не понимал, а теперь я благодарен им за это, с моими задатками я превратился бы в худшего представителя мажоров.

А сейчас, видя моё подавленное настроение догадалась, где я был. Только после этих встреч я становился таким.

– Мне жаль, Валюша, что у тебя такие отношения с дочкой. Уверен, что ничего нельзя изменить?

– Ну как изменить, мама? – начинаю сердиться я.

Она пожала плечами:

– Мне трудно сказать, Я не мужчина, у меня иное отношение к детям... но... если бы я не воспитывала тебя с рождения, возможно и я не могла бы испытывать к тебе того, что испытываю. Трудно любить того, кого ты не знаешь. Я тебя... мне тебя жаль, Валюша, жаль, что это так. Что я не знаю мою внучку. А ты не знаешь свою дочь. Выход только один: жениться, нарожать детей, почувствовать себя отцом, и тогда ты сможешь, может быть, принять и эту девочку.

Я усмехнулся, убирая тарелки со стола:

– Нелёгкий какой-то путь.

Мама тоже улыбнулась, вставая:

– Открою тебе секрет, сынок: в жизни почти нет лёгких путей, – мама включила чайник и открыла крышку над тарелкой с выпечкой. – О, Агнесса Илларионовна и профитроли сделала, знала бы, не стала так наедаться.

Жениться. Это кажется так просто, вот они, толпы девушек, готовых быть со мной, уж, конечно, большинство согласились бы выйти за меня, но... почему меня пробирает тоскливая ломота до костей, когда я думаю о том, что... как говорит Женя Лукашин: «Будет сновать у меня перед глазами туда-сюда, туда-сюда!». Говорить ведь о чём-то надо, хотя бы иногда... По-моему, мамины надежды на то, что я когда-нибудь смогу сделать её счастливой бабушкой, никогда не осуществляются.

Мама достала чашки и сказала, как будто между прочим:

– Послушай, Валюша, у одной моей приятельницы есть дочка, ей двадцать семь, она недавно развелась с мужем, и может быть...

Я захохотал:

– Мам, знакомить меня будешь как в прошлом веке?!

– Ничего особенного, не сватаю же я тебя! Понравится, будете встречаться, а нет – никто не заставляет.

– Я ушам своим не верю! – я вышел из кухни, не намереваясь больше слушать. «Вечера кому за тридцать» – дожил...

Больше мы не говорили об этом в этот вечер. Но, через

неделю или две, мама вернулась к этому разговору. Она вошла ко мне в комнату, где я смотрел «Бездну» на своём видеке, с удовольствием задрёмывая время от времени, пребывая таким образом в некоем блаженном трансе.

– Это билет в «Сатирикон» на Райкина, говорят крутейший спектакль, – сказала мама и положила бумажку на мой стол.

– «Крутейший»? – что-то я не припомню таких слов в мамином лексиконе.

– Говорят, да. Второй билет у Танечки, в соседнее кресло.

Я даже сел:

– Мам, мне тридцать три года, и я буду как...

– Вальтер, это просто культпоход, – сказала мама. – Сбежишь в антракте, если что. Она хорошенькая.

– Ты видела?

– Да.

– А что тогда с мужем разошлась?

– Студенческий брак. Люди женятся, потом вырастают и оказывается, что они чужие. Ничего особенного, это теперь бывает часто, – мама направилась к двери. – Там по телевизору про поджог ночного клуба, восемь человек погибли. Ты... твоих друзей нет среди них?

– Илью я видел вчера утром, значит, он там не был. Да и... он, наверное, и не ходит теперь по клубам, у него семейная жизнь, – почти зло ответил я.

Ещё бы мне не злиться, если раньше я ревновал Илью к то-

му, что у него слишком много увлечений, которые я не разделяю, хотя бы мотоциклами, так теперь он со своей ненаглядной Маюшкой вообще стал недоступен для меня.

– Илья женился?! – мама остановилась на пороге. – А я... думала он... такой, убеждённый холостяк-гуляка и плохо на тебя влияет.

Я только отмахнулся и сказал мрачно:

– Он – хуже, он чёртов однолюб.

– Серьёзно? – улыбнулась мама, и добавила нечто удивительное для меня: – Счастливец.

Глава 3. Хорошая

Наши друзья пострадали в том пожаре. Мокрый погиб там. Это было по-настоящему страшно – приехать ко второму моргу на Пироговку, откуда забирали тело Мокрого в закрытом гробу. Мы, нашей многочисленной компанией, на приглушенно и медленно рычащих мотоциклах поехали вслед за потёрханным ПАЗиком, где сидели его мать и бабушка и смотрели на его синий бархатный гроб.

Маюшка молчала и старалась будто стать меньше ростом. Будто ей неловко от того, что она жива.

– ...что все мы живы... – сказала Маюшка, когда мы ночью лежали рядом голова к голове, слушая как шелестят листья, как редкие автомобили шелестят по асфальту. – И что живы, и так счастливы. Вот Мокрый, мы видели его ещё в те выходные, он... такой как мы и вдруг... он едет в том кошмарном синем ящике, чтобы быть закопанным в земле. В мокрой земле. Мокрый в мокрой... Как будто нарочно для того, чтобы... – она вдруг затряслась от смеха.

И я засмеялся, тоже, через несколько мгновений мы оба хохотали, до судорог в мышцах живота. Эта нервная реакция на смерть и отторжение смерти как того, что неизбежно придёт и за каждым из нас. Мы не хотим в это верить, мы не хотим об этом думать, этого не может быть для нас, мы вечно будем живы и будем любить друг друга. Поэтому, ещё

задыхаясь от смеха, мы целуемся. И ощущения наших тел обострены, потому что мы помним кладбище, убитых горем маму и бабушку Мокрого, и все остальные, кто был сегодня на кладбище, я уверен, чувствуют то же...

– И ведь не на дороге погиб-то, а как гонял, будто смерть искал, и ни разу в аварии не был. А тут – тупой теракт и...

– Все теракты тупые.

– И во всех гибнут те, кто, кажется, не мог погибнуть...

Бесконечные сообщения о терактах или ещё что-то, я не могу точно сказать, но я не могла найти себе места, пока всё же не позвонила Илье на работу. В первый раз я только попросила его к телефону и, узнав, что он там и его не могут позвать только потому, что он занят с пациенткой, я успокоилась на некоторое время, но потом беспокойство вернулось. Утратить полностью связь с сыном я всё же не могу, это Лида как отключилась от Маюшки ещё тогда, шесть с лишним лет назад, так и теперь, после краткого перемирия, снова будто бы и не вспоминает о ней. Я спросила её об этом.

Лида холодно посмотрела на меня, молчала долго, а потом... вдруг, будто что-то открылось у неё внутри, она, чуть ли не со слезами в голосе, сказала:

– Да оба они, мама... Ты думаешь, я каменная женщина, что... Но эта история... Вся эта история, она меня с ума сводит с самого начала. Вот как Виктор не может простить Маюшке, так и во мне всё протестует. Как Илья обнял её, буд-

то... И она... Но как с этим мальчиком они жестоко, с Васей... И стыдно... Господи, даже перед водителем этой «Газели» что возил нас, вот уж... Выходит, что же, всё это время... Как они такими выросли, мама?

Я пожалала плечами.

– Они там... они теперь вместе живут там, в Москве? Ты... что-нибудь знаешь? – она посмотрела на меня как-то робко, будто стыдясь своего интереса.

– Не знаю. Но да, наверное, чего теперь-то? Хотя, я вообще не понимаю... Ничего не понимаю. Когда я узнала, что Майя и Вася стали вместе жить, я успокоилась, думала, ну вот, теперь всё будет хорошо и было ведь... Что у них опять... Я не могу этого понять...

– Вот и я... Это-то и сводит с ума. Но надо, наверное... Надо, как-то узнать, как там они? Такое время нехорошее... Ты... звонила Илье?

– Позвоню ещё. Позвать их?

Лида опустила голову:

– Не знаю. Пока... пока, наверное... А Вася что? Ты не узнавала?

Я вздохнула:

– Нет, пока. Стыдно. Тебе стыдно, а мне...

Конечно, мы живём вместе. То есть, совсем вместе, по-настоящему. Соседи по-разному отнеслись к появлению Маюшки в густонаселённом муравейнике. Бывало, когда Ма-

юшкины соседки по общежитию уезжали домой на несколько дней, мы с ней оставались на ночь в её комнате. Но это бывало нечасто. Тараканье царство на Волгина было ничем не лучше такого же на Пятницкой. Только что не видим синих от спирта «Рояль» и тюремных наколок соседей, а в остальном всё то же.

Маюшка со свойственной ей способностью создавать вокруг себя уют и гармонию, и саму комнату сделала почти красивой и уютной, вымыла всё до блеска и следила, чтобы не скапливалась ни пыль, не появлялся мусор, даже окно, которое до сих пор было всегда пыльным теперь стало прозрачным с блестящими отполированными газетами стёклами, а подоконник приобрёл светлый вид.

Она не чуралась и в коридоре, и на кухне мыть полы и окно на кухне. Но этим и попала сразу под «обстрел» критики гопников, которым неуместно было даже под давлением квартирной общественности мыть эти коридоры хотя бы иногда. Лохматые тётки, с выжженными «химией» махагоновыми волосами шипели или открыто цеплялись к ней, называя разными словами от «чистюли» до «шалашовки» и похуже, сдобренными матом. Начали жаловаться моей квартирной хозяйке, и она даже явилась, чтобы разобраться, почему это я посмел без её ведома «завести какую-то бабу на её территории».

– Мы договаривались, что никого водить сюда не будешь, – говорит Галина, бесцеремонно курит прямо в нашей

комнате, неопрятно стряхивая пепел в пепельницу. – Что это такое?

Она смерила взглядом Маюшку, презрительно и даже зло. Счастье, что Маюшка привыкла к таким взглядам с самого детства и сейчас спокойно сидит возле меня на кровати, не пытаясь ни говорить, ни спрятаться за меня, предоставляя мне самому всё уладить.

– Мы... – начал было я.

– Ах, уже «мы»?! – у Галины, так звали мою квартирную хозяйку, вытянулось лицо. – Вы мне тут ещё дитё родите и буду я должна прописывать?! Нет, Илья, ты давай-ка решай: или девка или квартира.

– Это не выбор.

– Не важно. Мы договаривались, не будешь спорить, – она равнодушно выпустила очередное облачко дыма.

– Я вперёд оплачу...

– Даю вам тут... – она поднялась, лосины плотно облегают налитые твёрдым жиром ляжки, ботинки на толстых каблуках, розовый ангорский свитер, у всех своя мода... – Ладно, до Нового года. Но дальше – сваливайте. Мне жалобы ни к чему. Петька к участковому обещал пойти, заложат меня бандюкам, что я сдаю комнату, сам знаешь, чё тогда – продать им за бесценок придётся...

Мы посмотрели друг на друга, едва Галина ушла.

– И так было ясно, что надо искать квартиру, – сказала Маюшка, мягко прильнув к моему плечу.

– Купить надо.

– Ты... – Маюшка засмеялась, – ты что миллионер? Откуда такие деньги? Квартиру в Москве...

– Ну... я всё же работаю. Ладно, Май, подумаем, – сказал я, размышляя о том, что давно не узнавал цен на жильё, надо осведомиться завтра же. – Не расстраивайся. Зато мои подружки приняли тебя как родную. Будто ждали всю жизнь, – я потрепал Маюшку по плечу.

Это правда. Все три мои красавицы с первого взгляда оценили Маюшку по достоинству. Но надо отдать должное и Маюшке, она нашла с ними общий язык сразу же. Всего парой слов. Марье Сергеевне сходу сказала, увидев множество фотографий на комодах, полочках и стенах, на который была в основном сама Марья Сергеевна, красиво одетая и причёсанная по моде разных времён:

– О, какая вы красавица! Вы артисткой служили, наверное?

Мария Сергеевна моя, которая всю жизнь проработала секретаршей при разных директорах, покраснела от удовольствия.

– Да что вы, деточка, нет-нет.

– Не может быть, чтобы вас ни разу не позвали сниматься в кино!..

Ну и так далее.

С Евфимией Георгиевной говорила о её сыновьях, один из которых был военный и сейчас служил сейчас на Дальнем

Востоке, после того как его часть вывели из Германии и частично расформировали. А второй сын уехал в Америку, он был химик, очень одарённый молодой учёный. И тот и другой не бросали мать тем не менее, высылали деньги, хотя, думаю тому, что был военный, непросто приходится сейчас, тем более что ему до отставки год или два.

А с Эльвирой Анатольевной они говорили о старом кино, о Лемешеве и Козловском и достоинствах их теноров.

Я потом спросил Маюшку, как она могла так проникнуть в души моих «девушек».

– Очень просто, у них всё на стенах, на полочках. Наши дома рассказывают о нас куда больше, чем мы подозреваем. Фотографии, старые журналы, письма, что лежат на видном месте и по сто раз перечитываются, – Маюшка улыбается так просто.

– Надо же, Шерлок Холмс какой-то у меня, – усмехнулся я.

– Я привыкла, наблюдая, понимаю, что такое человек.

Я смотрю на неё, удивляясь: вот сколько лет можно знать человека, кажется нет ничего, чего я не знал бы о Маюшке, а оказывается есть много такого, что мне ещё придётся открыть в ней.

– А... про меня, что тебе ясно?

Она покачала головой:

– Нет, в отношении... тех, кого любишь это плохо работает. Какой анализ, когда видишь только то, что хочешь ви-

деть. Только самое лучшее. Любимых не просчитаешь.

Я обнял её. Вот думаешь, что уже знал, что такое счастье, а потом оказывается, что нет. Что оно может быть ещё ярче и ещё жарче...

...Я собирался сегодня домой как обычно, Маюшка должна то же примерно в это время приехать. Но тут Елена Семёновна подозвала меня к себе и сказала вполголоса:

– Илья Леонидыч, я слышала, ты квартиру хочешь купить. У меня двоюродный брат в Московской городской думе зам главного строителя. Короче говоря, буквально на днях предлагал моей дочке редкой удачи случай: сгоревшая квартира в Товарищеском переулке. Я не знаю, что там и как, я тебе его телефон дам, ты созвонись и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.